

Константин КУРАЛЕНЯ

Жернова времени

книга 5 серия Великое кочевье

Константин Кураленя Жернова времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61216452

SelfPub; 2020

Аннотация

Евгений Близнюк – герой романа «Жернова времени» – в пятой книге серии исторических авантюр «Великое кочевье» из 1987 года попадает в пекло Великой Отечественной войны. Морозный декабрь 1941 года, фашисты рвутся к Москве... Красная Армия накануне общего контрнаступления по широкому фронту. Старшина Близнюк в составе 14-й танковой бригады отважно сражается с фашистами. Его командир – политрук Кретов. Да, тот самый Александр Кретов, будущий Герой Советского Союза, чьё имя носит центральная улица села Нижнетамбовского, где комсомолец Женька Близнюк строит с друзьями новый город Бонивур...

Содержание

ЕВГЕНИЙ, ПРОСТИ МЕНЯ...	4
Глава 6.	80
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Константин Кураленя Жернова времени

ЕВГЕНИЙ, ПРОСТИ МЕНЯ...

Необходимое вступление

Тот, кто внимательно следит за приключениями моего друга, должен помнить о его четырёх путешествиях в прошлое. Людей, впервые взявших в руки книги, где рассказывается об этих весьма удивительных и неправдоподобных событиях, я попрошу лишь об одном – не спешите скептически улыбаться. Я уже проходил через это, не повторяйте чужих ошибок.

В конце четвёртого путешествия мы оставили нашего друга один на один с рыжими псами Угэдэй-хана, на каменной стене крепости Адзи-хурень. Он готовился с честью принять свой последний бой. Хотя с трудом верилось, что этот бой для Женьки станет последним. Не таков был мой товарищ юности, чтобы за здорово живёшь покинуть наш бранный мир.

Я же, вернувшись из похода на Шаман-гору, немедленно отправился в старый чулан искать тетрадь с описанием путешествия Евгения в двухтысячные годы. Не могло того быть, чтобы он не оставил письменного свидетельства своих по-

хождений. И я не ошибся. Я обнаружил даже не одну, а две затерявшиеся тетради. В одной говорилось о путешествии в двухтысячный год, а во второй о том, как он попал в кровавое пекло Великой Отечественной войны. Вот ею я и продолжу свои рассказы о моём друге. Замечу, что провидение не зря укрыло эту тетрадь от моих глаз, потому что на внутренней стороне обложки стояла надпись: «Прошу тебя, хорошенько подумай, прежде чем сделать эти записи достоянием общественности. Мне кажется, что, прочитав их, люди станут думать, что всё, что я писал до этого, выдумка. Уж слишком невероятными оказались мои приключения в тех временах». Почитав написанное, я понял, почему Евгений ни в одной из тетрадей не упоминал об этом путешествии.

Особо нетерпеливый читатель может спросить меня, почему я публикую Женькины истории в час по чайной ложке, если у меня есть все тетради? Никакой тайны в этом нет. Всё до банального просто – в двадцать первом веке в бывшей стране победившего социализма литература стала изгоем. По воле временщиков, перехвативших штурвал управления, самая читающая в мире страна стала самой нечитающей. А во времена, когда ориентиры на вечные ценности поменялись и во главу угла встал золотой телец, сложно рассказывать о добре и зле, не боясь показаться смешным! Литература стала насквозь коммерческой, воспевающей то, что у порядочных людей считалось пошлым и низким. Вот поэтому я выдаю истории мелкими порциями. Но я оптимист

и верю, что наш народ мудрее. И навязанные ему ложные ценности займут своё место там, где полагается – на свалке. А пока я, не торопясь, рассказываю вам о любви и ненависти, верности долгу и дружбе и о малоизвестных страницах истории нашей Родины.

Как говорят мудрые люди, Родину и родителей не выбирают. Моя мама выражалась проще – «где родился, там и пригодился». По сути, все мы пришли в этот мир, чтобы когда-нибудь умереть. Что скажем мы на прощание, отправляясь в «страну вечной охоты», тем, кто остаётся на земле вместо нас? Проходя мимо наших могил, вздохнут ли потомки с грустным сожалением или презрительно усмехнутся? На эти вопросы нам отвечать своими делами и поступками.

Глава 1.

ПО ПОЛЮ ТАНКИ ГРОХОТАЛИ

– Куда же ты прёшь, мать твою в растудыт!

Я чувствительно ударился головой о металлическую штучковину и, глядя на блестящие в полутьме зубы матерщинника, тоже захотел выразиться по матушке. И было отчего. Оказаться внутри настоящего ада дело вовсе не радостное.

– Старшина, ты что примёрз? Снаряд! – услышал я тот же голос понял, что это ко мне.

Руки привычно нащупали холодный металл и, прихлопнув ладонью по капсюльной части гильзы, ловко послали её в казённую часть орудия. Лязгнул, запирая ствол, замок.

– Порядок, командир! – крикнул я, радуясь, что всё полу-

чилось.

– Короткая! – рывкнул, продолжая сверкать зубами, тот, кого я назвал командиром.

Танк, и ничто иное, теперь я в этом ни капельки не сомневался, резко качнулся вперёд, и, обиженно заскрежетав гусеницами, встал словно вкопанный.

– Выстрел! – прокомментировал свои действия прикинувший к прицелу командир.

Гулко ухнуло. Преодолевая сопротивление откатника, ствол отъехал назад и, выбросив дымящуюся гильзу, вернулся в исходное положение.

– Откат нормальный! – доложил я сиплым от пороховых газов голосом.

Машина, взревев мотором, дёрнулась и устремила дальше.

– Ага! – торжествующе закричал командир. – Привет фрицевой матери!

По его реакции я понял, что мы в кого-то или во что-то попали, и, посылая в ствол очередной снаряд, начал осмысливать происходящее. Я вспомнил события, которые привели меня в башню идущего в атаку танка.

«Пора бы уже привыкнуть, – философски заметил внутренний голос. – Вечно тебя тянет чёрт знает куда».

В то время как руки делали привычное солдатское дело, я вспоминал, что после возвращения со сталинскихстроек коммунизма в своё время я долго находился не в своей та-

релке. Ребята воспринимали моё состояние по-разному. Колодяжный Валера, с которым мы сошлись ближе всех, ободряюще хлопал меня по плечу и сочувствующим тоном интересовался:

– Что не высыпаешься? Круги под глазами появились, да и морщины стали видны.

Серёга Нестеренко откровенно усмехался и намекал, что чрезмерная прыть сведёт особо рьяных самцов в могилу. Я же понимал, что начинаю раздваиваться. Во снах я вместе с переселенцами сплавлялся по Амуру и, подняв на руки Луизу, бросался в набегавшие волны Тихого океана. Мчался по пылающему Николаевску-на-Амуре и брёл по осенней тайге к сокровищам чжурчжэней.

Я понимал, что жить по-прежнему уже не смогу, и мой взгляд всё чаще останавливался на продолжавшем шагать в вечность каменном исполине. Моя судьба непостижимым образом связалась с его застывшим величавым равнодушием.

Стройка продолжала благополучно агонизировать и биться в предсмертных муках. И как всегда бывает в таких случаях, беда не приходит одна. Трагически погиб наш товарищ, бригадир Володя Родин. Он уходил в отпуск и перед дорогой в родной Хабаровск, пришёл на разгрузочную площадку попрощаться с бригадой. И надо же было такому случиться, что не сработал стопор на конце крановой стрелы и, сорвавшийся сверху, как упал на голову бригадира. Смерть была

мгновенной.

Я же в этом происшествии увидел некий знак судьбы. Жизнь быстротечна и не всегда зависит от наших желаний. Порой ею слепо управляют непредсказуемые и, как правило, трагичные случайности. А сделать необходимо много! Поэтому не стоит оставлять на завтра то, что можно сделать сегодня. И в предвкушении неизведанного, как только наступили выходные, я отправился по хорошо известному мне маршруту – на Шаман-гору.

Бум!

Танк основательно потрянуло, да так, что я в который раз приложился лбом о броню и возвратился в окружающую реальность. Если бы не шлемофон, моя голова треснула бы ещё при первом ударе.

– Рикошет, – пояснил командир. – Механик, не спать!

– Из-за крайней избы бьёт! – оправдываясь, ответил тот. –

Мёртвая зона.

– Мне плевать, откуда, выводи машину на прямой выстрел! – последовала команда.

Я сидел, скорчившись в металлической коробке, и ориентировался в происходящем по отрывистым командам и переговорам механика-водителя с командиром. Но самое удивительное было в том, что я знал, что мне следует делать в той или иной ситуации. Словом, я был танкистом. Пока мне было неизвестно, как меня зовут и какое за танковой бронёй число. Судя по тому, что командир, а он же по совмести-

тельству и наводчик, вручную крутил маховики наведения орудия и поворота башни, танк был времён Великой Отечественной войны. Осталось только узнать: это начало её или окончание?

Надо же, попасть в самое пекло боя, да ещё в железную громадину, то и дело сотрясаемую летящими в неё снарядами и осколками! В такой ситуации сложно определиться со временем.

Я глянул в боковой башенный перископ. За мутным стеклом проглядывался участок занесённой снегом земли. Зима.

– Командир, Т-2¹, – раздался взволнованный голос механика.

И тут же, словно подтверждая сказанное, от башенной брони вновь от ricoшетил вражеский снаряд.

– Накось, выкуси! – злорадно усмехнулся командир. – Жорка, бронбойный! – это уже ко мне.

– Есть бронбойный! – прокричал я, поддаваясь всеобщему азарту боя.

Латунный бочонок скользнул в разинутую пасть казённого, а я подумал, что по крайней мере со временем года и моим именем всё понятно. В этой жизни меня будут звать Жоркой, стало быть, Георгием.

– Короткая! – послышалась команда командира.

Секундная остановка, и выстрел.

– Есть! Горит! – послышался ликующий голос четвёртого

¹ Немецкий лёгкий танк.

члена экипажа.

После чего раздалась длинная пулемётная очередь. Это вступил в бой стрелок-радист. Я представил, как он скрупулезно прошёлся огненным веером по выскочившим из горячей машины фигуркам в чёрных комбинезонах.

– Крындец вам, а не Москва! – удовлетворённо прокричал он, когда пулемёт умолк.

Прибавив некоторые уточнения к своим размышлениям: зима сорок первого – сорок второго, битва за Москву, я тут же ругнулся про себя: «Чёрт побери, в тяжёлые времена забросила меня судьба!» «Не судьба, – поправил меня внутренний голос. – А глупость твоя».

– Командир, приказ «Второго»: «Отход», – проскрипел в наушниках голос радиста.

– Серёга, на исходную! – это уже командир механику.

Танк, натужно завывая дизелем, несколько раз дёрнулся, но сдвинуться с места не смог. Механик, уцепившись обеими руками за рычаг переключения скоростей, безуспешно пытался включить заднюю передачу. Мы вмиг стали живой мишенью. По броне зацокали пули и осколки.

– Что, опять? Валера, помоги ему! – зло крикнул командир.

Радист ухватился за рукоять с другой стороны, и, поддаваясь двойному усилию, со скрежетом шестерёнок, рукоять заняла нужное положение. Взревел двигатель. Скакнув резвым жеребёнком, машина устремилась к нашим позициям.

– Чует сердце моё, из-за этой чёртовой коробки передач словим смертушку на себя! – крикнул механик.

– Да, что-то не додумали конструкторы с трансмиссией, – поддержал его командир.

Внутренняя связь в танке на этот раз работала исправно, но парни перекрикивались во весь голос, снимая стресс и радуясь, что живы до сих пор.

У полевой кухни столпились посланные от экипажей бойцы. Весело гомоня, они радовались, что в очередной раз обманули смерть. В начале войны выйти из боя живым считалось верхом везения.

Экипаж приводил в порядок матчасть, а меня отправили получить на весь личный состав паёк. Хлеб и тушёнку я уже получил, и теперь, толкаясь в очереди за горячим, я заражался всеобщим весельем и с интересом прислушивался к трёпу фронтового люда.

– Я ему ору: «Командир, ты уже мне плечи до костей разодрал, я и сам всё вижу!» Ему хоть бы хны, что есть силы продолжает каблуками давить. Все плечи мне раскровенил, аж локти поднять больно, – улыбаясь, закончил рассказ чумазый танкист.

Видимо, это был механик-водитель. Внутренняя связь в «тридцатьчетвёрках» оставляла желать лучшего, постоянно выходила из строя, и командир командовал механику влево-вправо, поставив ноги ему на плечи и нажимая то на левое, то на правое плечо.

– А мой всё время матерится, – с ноткой восхищения перебивает говорившего другой боец. – Ни слова по-нашему, одни маты.

– И что, переводу ни треба?

– Не а, понятно и так, – довольно растянул губы боец.

– Заматеришься тут, – хмуро выдавил третий. – У нас Кольку-механика наповал. И щёлочка-то малепу-сенькая такая, а вот поди ж ты, проскочил осколочек.

– Встали?

– Не, лейтенант сам за рычаги сел.

– Здоровы будем, земели! Как тут у вас с женским полом? – разрядил обстановку подошедший мелкорослый конопатый танкист.

– А сдюжишь? – осмотрев с головы до ног веснушчатого, недоверчиво усмехнулся широкоплечий крепыш.

– Да за мной девки на деревне табунами! – обиженно сплюнул на землю рыжий.

– А хат-то в твоей деревне много? – серьёзно поинтересовался здоровяк.

– Дык почитай тридцать дворов, – расправил плечи рыжий.

– Вот и прояснилось отчего вокруг именно тебя...

– Ясно почему! – Физиономия рыжего танкиста расплылась в довольной горделивой улыбке.

– Кроме тебя, за кем ещё, коль на все аж три десятка дворов ты самый, что ни на есть, раскрасавец? – продолжил с

серьёзным видом крепыш. – Видать, на других-то деревенских женихов и смотреть без слёз невозможно.

– А-ха-ха-ха! – взорвалась смехом очередь.

Морозный декабрьский день уже клонился к закату. И если бы не грохот канонады, доносившийся с передовой, то картину можно было назвать вполне мирной.

Для себя я уже прояснил, что нахожусь в конце декабря сорок первого года. В разгар битвы за Москву. Но не под самой Москвой, а между городами Курск и Старый Оскол. Наш Юго-Западный фронт, пополнившись резервами после Киевской операции, держал оборону на этом участке. А служить я удостоился чести во втором батальоне Четырнадцатой танковой бригады Сороковой армии. Наш батальон занимал позиции между деревнями Выползово и Машнино. Да и как сказать «занимал»? Мы ведь не пехота. Выходим её на поддержку то на одном, то на другом участке фронта. Пройдёт немного времени, и летом сорок третьего Курская дуга прогремит на весь мир... и останется в истории как величайшее танковое сражение, а в сорок первом эта линия обороны считалась второстепенной. Основные задачи тогда решались под Москвой.

Теперь о главном: моим командиром, с которым я столкнулся в первые минуты пребывания в сорок первом году, был политрук роты Сашка Кретов! Когда я услышал: «Политрука Кретова к комбату!», то ушам своим не поверил, не может быть! Попадая в прошлое, я всегда встречал кого-ни-

будь из нижнетамбовцев. Вот и теперь столкнулся с земляком, да каким! Александр Кретов – Герой Советского Союза. Его именем будет названа центральная улица Нижнетамбовского. В тридцать восьмом году двадцатилетним юношей приехал он учительствовать в нижнетамбовскую школу, а в сороковом по призыву комсомола поступил в танковое училище. И вот я, заряжающий, рядом в танке с будущим Героем. Единственное, что вызывало во мне тягостное переживание, я твёрдо знал: Героя Саня получит посмертно. Что станет с экипажем его танка? Может быть, сгорят в боевой машине, как тысячи советских танкистов? Не знал, к своему стыду, я и подробностей того, как принял смерть доблестный политрук. А ведь была возможность. Нас, комсомольцев-строителей, приглашали в школьный музей Нижнетамбовского. Действительно, знал бы, где упадёшь, соломки бы подстелил.

«Вот теперь майся неизвестностью, если тогда неинтересно было!» – позлорадствовал внутренний голос.

– Подставляй котелки, старшина! – подтолкнули меня сзади.

За размышлениями я чуть не прозевал свою очередь. На кашу повар не поскупился.

– А куда её? Зараз хлопчиков вдосталь полегло, харчувайтесь, робяты, – говорил он на непонятной смеси славянских диалектов, накладывая полные котелки.

– А сто граммов боевых не полагается? – поинтересовался

я, подхватив дымящиеся котелки.

– Ось? – сделал круглые глаза кормилец.

– Проехали, – буркнул я. И в самом деле, чего это я? Сто наркомовских, по-моему, гораздо позже ввели.

– Дюже вас болванками поколошматили, душа горилки треба, – сочувственно покачал головой повар и, сбавив голос, добавил: – Шинкарка добрая мается, кажу иде, сшукаешь?

– Тебя только за смертью посылать! – первым встретил меня механик-водитель.

Вместо оправданий я отогнул борт бушлата и показал заткнутое хлебной коркой зелёное горлышко литровой бутылки.

– Дорогой ты мой человечиче! – развёл руки Серёга и повернулся к политруку: – Командир, а новый заряжающий парень-то нашенький.

– Лишнее это, – неуверенно покосился Кретов.

– Командир! – поддержал экипаж стрелок-радист.

– Ну не знаю, мне ещё на доклад идти.

– После боя святое дело, ты думаешь, комбат чайком нервы лечит? – хитро усмехнулся механик.

– А! – махнул рукой политрук. – Наливай.

– Мы под закусочку, – засуетился механик.

Первую выпили за Сталина. Горячий огонь полыхнул по внутренностям и опалил лицо. Хороший самогон был у тётки Матрёны, пшеничный.

«Замечательные ребята, – тепло подумал я о своих новых

товарищах. – Вот кто Россию грудью заслонил».

Серёга поднял бутылку и, глядя командиру в глаза, многозначительно потряс ею перед собой.

– Вы ещё по одной, а мне хватит, – Саша прикрыл свою кружку рукой.

– Хорошо, – легко согласился механик и, затыкая горлышко коркой, добавил: – Вечером посидим.

Вечером, сидя у раскалённой буржуйки, мы вспоминали своё довоенное житьё. В первую очередь расспрашивали меня. Оказывается, я прибыл в роту накануне боя взамен убитого заряжающего Петрухи.

– Помянем Петра Сологубова, воина русского, живота своего за Отечество не пожалевшего, – витиевато произнёс радист Валера.

Выпили не чокаясь.

– Как погиб? – нарушив молчание спросил я.

– Трак нам порвало, – произнёс хмуро механик. – Меняли под огнём, вот его... осколком.

– Жена с двумя детишками у него под немцами остались, – задумчиво произнёс политрук.

– Давай, Жора, расскажи, откель тебя судьба забросила в наш славный экипаж? – разгоняя нахлынувшую грусть, прихлопнул ладонью по колену Серёга.

И я поведал свою версию присутствия среди этих простых и смелых людей. Рассказал о том, как строил город Комсомольск-на-Амуре. Откуда был призван в Красную армию.

Что служил в гаубичной артиллерии, что на фронте с первых дней войны, что после ранения был направлен в самоходную артиллерию, но по пути был переброшен в танкисты.

– А я-то думаю, какой умник тебя с таким ростом к нам определил? – хмыкнул Серёга. – У «богов войны» тебе было бы в самый раз, а у нас, небось, тесновато?

– Есть немного, – не стал я спорить.

– Я-то ведь на службу тоже с Амура уходил, хотя родом здешний, с Тима^{2 3}, – заговорил Александр. – Земляки мы с тобой выходит, старшина.

– Да, ну! – сделал я удивлённое лицо.

– Село Нижнетамбовское, слышал? Учителем я там два года работал.

– Конечно, слышал! – улыбнулся я. – Центр районный.

– Ну, мужики, вы даёте! Это ж надо, земляки! – засуетился радист. – За это дело сам бог велел.

Мы выпили, закусили и после недолгих посиделок улеглись спать. Перед сном я вышел из землянки на свежий воздух. Падая снег. Декабрьская ночь одного из последних дней сорок первого года набрасывала на землю белый масхалат. Не верилось, что эта непорочная белизна с рассветом взметнётся на воздух, обильно перемешиваясь с землёй и кровью.

² Посёлок в Курской области.

³ В начале войны у немцев на вооружении были лишь лёгкие танки Т-1, Т-2, Т-3 и средний танк Т-4, и наш Т-34 с его 76 миллиметровой пушкой бил их без особого труда.

А сейчас те самые солдаты, которые в завтрашнем бою упадут, окрашивая своей кровью этот пушистый снег, тревожно ворочались во сне. Они не ведали своей судьбы, кому из них лишь до утра продлена жизнь...

– Экипажи, к машинам! – раздалась долгожданная команда в звенящем воздухе морозного утра.

– Началось! – задорно выкрикнул Валера.

– Продолжается, – проворчал Сергей, втискиваясь в водительский люк. – Вам-то хорошо, а мне опять сопли морозить.

Мы его прекрасно понимали. Потому что ему, вопреки всем инструкциям, придётся ехать с приоткрытым люком и на собственной шкуре ощущать прелести декабрьского мороза. «Тридцатьчетвёрка» танк неплохой и колошматит немецкие «тэшки» на раз-два. Но есть у неё и свои недостатки. Это никуда не годная трансмиссия и оптика. И чтобы в бою не быть слепыми, механик-водитель держал люк приоткрытым, а коробку передач ему помогал переключать стрелок-радист.

Я вспомнил о своих обязанностях и ещё раз проверил боекомплект, хотя прекрасно знал, что боезапасом машина укомплектована полностью. Сто положенных выстрелов лежали в укладке и ящиках «НЗ». Но время до команды «вперёд» тянулось медленно, а нервы были на пределе. Каждый из нас старался себя чем-то отвлечь. Теперь я лично убедился, каково находиться в тесной, воняющей пороховыми выхлопами коробке. Когда кажется, что в тебя нацелены все

орудия немецкого рейха. В прошлых жизнях мне приходилось много рисковать, но то, что испытывают эти ребята... это просто бр-р!

Я глядел в небо сквозь открытый люк и старался не думать о предстоящем бое, я думал о Луизе.

«Тебе сейчас сорок лет, и ты наверняка замужем за каким-нибудь графом или бароном», – пытался я мысленно воспроизвести образ любимой. Но образ расплывался и ускользал.

«Не обманывай себя, ты потерял её навсегда, – вмешался в мои мысли внутренний голос. – Ты потерял её в то раннее утро, когда украдкой, словно трус, сбежал из Англии». – «Но мне надо было вернуться!» – «Зачем? Ты пытаешься найти оправдания, хотя прекрасно знаешь, что их нет.» – Моё второе «я» было неумолимо. Я стиснул зубы и прикрыл глаза.

«Не кори себя, воин», – прозвучало где-то у меня в подсознании.

Я вздрогнул и осторожно разжал веки. Произошедшая перемена почему-то меня нисколько не удивила. Зелёная трава и щебет птиц моим сознанием воспринимались вполне адекватно. А облачённая в кольчугу девушка из снов стала почти родственницей или кем-то вроде того. Но я по-прежнему не мог разглядеть её лица.

«Ты должен пройти предначертанное, и желаемое сбудется, – загадочно произнесла амазонка. – Никто не в силах порвать нити судьбы.»

– Ракета! – Голос Кретьова порвал паутинку накатившего забытья.

Я открыл глаза и увидел, как с неба падает зелёная ракета. Битва за Москву продолжалась. Смерть ещё не взяла причитающуюся ей за победу цену.

Глава 2.

НОВЫЙ ГОД

Когда говорят, что Москва – это сердце Родины, то, наверное, не лгут. Хотя мне больше по душе другие города и люди. Если города уподобить людям, то Москва для меня ассоциируется с базарной бабой-хабалкой. Такая же наглая и беспринципная, готовая ради копейки продать всё и вся. Но, как говорится, родителей не выбирают. А брошенные дети любят свою мать больше, чем домашние. Я Москву не любил, но готов был за неё умереть, хотя бы потому, что там есть Кремль. Под стены Кремля цари русские из века в век прибирали, а не разбазаривали землицы окраинные и людишек народностей разных. Дабы крепла Русь на радость подданным её и на погибель врагам проклятушим. Когда стоишь на Красной площади и смотришь на переливающееся великолепие храма Василия Блаженного, то в душе невольно перекатываются волны восхищения. И ты действительно начинаешь понимать, что это сердце Родины, что это нулевой километр всех начинаний. Просто сейчас столица превратилась в сборище рвачей, пытающихся отвоевать у себе подобных место под солнцем. Они едут изо всех уголков бескрай-

ней страны зарабатывать в мутной воде деньги. Конечно же, город ни в чём не виноват, его таким сделали люди. Люди, считающие, что в жизни самое главное деньги и мнимое величие сиюминутного успеха.

Наша Сороковая армия не участвовала в битве за Москву. Но сейчас её основной задачей было сковать войска второй пехотной армии и часть войск второй танковой армии немцев, чтобы ни одна дивизия, ни один полк, и даже ни один солдат не был переброшен с нашего участка фронта под Москву. А там в эти морозные дни уходящего сорок первого года творилась история. Там решался вопрос, какой государственный язык будет на территории Советского Союза в последующие годы, а, может быть, и века.

Цель, поставленная перед нашим экипажем, выглядела гораздо скромней – прикрыть огнём и бронёй действия стрелковой роты под селом с характерным для России названием Гнилое.

– Скрытно выдвинуться в обозначенный квадрат и ждать сигнала к атаке, – сформулировал боевую задачу на ближайшее будущее политрук, вернувшись от комбата.

– Командир, войска генерала Попова взяли Калугу! – радостно заорал стрелок-радист, едва Саша протиснулся в командирский люк.

– А какое сегодня число? – спросил я.

– Ну ты, Сибирь, даёшь! – гаркнул механик. – Новый год сегодня, тридцать первое декабря.

За время своего пребывания в танковых войсках я заметил, что все танкисты говорят на полтона выше, словно все их собеседники глухие. Но танк того времени – это ревущая дизелем без глушителей и страшно лязгающая гусеницами железяка, рядом с которой даже крика не услышишь.

– Не Сибирь, а Дальний Восток, – поправил я машинально.

– А какая разница, всё равно вы там все живёте в берлогах и молитесь медведю, а для нас всё, что за Уралом, всё Сибирь.

– Хватит споров, запускай двигатель, скоро будет вторая ракета, – оборвал препирательства Александр.

Танк взревел двигателем, и дальнейшее общение без шлемофонов стало невозможным. И наконец, две зелёные ракеты оповестили нас о начале движения.

Мы простояли в перелеске у Гнилого до самого вечера, но команды к наступлению так и не поступило.

– Да что они там, черти! – нервничал Кретов.

Парень переживал. Он считал своей личной виной то, что немцы в буквальном смысле пришли к нему домой: до его родного Сокольего было не больше десятка километров. Я представляю, каково это – воевать у крыльца родного дома. И каждый час бездействия ложился тёмными кругами вокруг его глаз. Чувство вины за всю Красную армию толкало его на отважные до безрассудства поступки. Мы, его подчинённые, понимающе переглядывались и втайне просили Бо-

га уберечь Сашку от безумных идей.

– Не переживай, командир, ещё навоюемся, – попытался успокоить его механик.

– О чём ты говоришь! – вспыхнул Кретов. – Ты видел виллицы?

– Ну, видел, – виновато произнёс Сергей.

– Погибнуть должны были мы, а не они. Это мы надели форму и дали клятву своему народу защищать и оберегать его от врага. Мы не сдержали свою клятву. Мы не защитили народ, который кормил и одевал нас всё время, пока мы учились воевать. – На глазах у политрука показались слёзы. – И чему мы научились? Драпать? Немец до самой Москвы допёр, а мы у брошенных нами матерей спрашиваем: «Вы почему для немцев хлеб сеяли, почему с голоду не сдохли?»

– Ну, ты это, командир, совсем уже, – отводя взгляд в сторону, проямлил стрелок-радист.

– Здесь неподалёку моя мать и братья с сёстрами. Когда я приехал домой в курсантской форме, она плакала и говорила соседям, что вырастила защитника. Как теперь смотреть ей в глаза, чем оправдываться? – В голосе Александра звучала неприкрытая боль.

Мне было жаль политрука. Я знал, что вопросом «кто виноват?» задавались десятки тысяч людей и сейчас, и на протяжении всех лет после войны, вплоть до моих дней. Я бы, наверное, мог назвать главного виновника. Но политрук бы мне не поверил. Потому, что, поднимая солдат в атаку, его

коллеги командиры и политруки осипшими на морозе глотками кричали: «За Родину, за Сталина!»

И, подгоняемые пулемётами заградотрядов НКВД, с его именем на устах бойцы ловили грудью горячий свинец и падали в белый снег.' И ещё много лет одурманенный народ будет самозабвенно поклоняться сотворённому ими идолу. А Бог безгрешен, ибо он есть Бог.

– Ну, и что мы сидим? – прозвучал голос механика-водителя. – Новый год всё же. Не по-нашенски как-то всё это, не по-русски.

Мы расположились в выделенной пехотинцами землянке. Обрадованные тем, что их будет поддерживать броня нашего танка, бойцы были готовы услужить нам во всём.

– Привет маслопупым! – Закрывающая вход в землянку плащ-палатка откинулась в сторону, и в дверном проёме показалась пригнувшаяся фигура человека в новеньком белом полушубке.

– И вам не чихать, – скромно ответил на приветствие Серёга.

– Я командир Второй стрелковой роты, старший лейтенант Егоза, пришёл крепить боевое содружество! – И на стол, рядом с гильзой-керосинкой брякнулась помятая солдатская фляжка. – Чистый! – пояснил командир Второй стрелковой.

Следом за фляжкой последовал присыпанный крупной солью шмат сала и буханка хлеба.

– А это мой вклад в победу!

– Присаживайтесь, товарищ старший лейтенант, – подсутился Валера, стряхивая с ящика из-под снарядов невидимый мусор.

– Политрук Второй танковой роты Второго танкового батальона Кретов Александр, – представился наш командир, протягивая ладонь.

– Яков! – Офицеры крепко пожали друг другу руки.

– А это мой экипаж, – представил нас Саша.

– Три танкиста выпили по триста! – весело напевая ставшую народной песню, старший лейтенант Яша Егоза командовал: – Кружки, вода!

Парень соответствовал своей фамилии. С его приходом настроение в землянке резко изменилось. А когда оказалось, что он почти земляк и родом из Сибири, то нашлись и общие темы для разговоров.

– Товарищ старший лейтенант, Яков Михалыч! – В землянку просочился маленький юркий ефрейтор. – Ваше приказание, стало быть, в наилучшем виде. – И на стол легли палка сухой колбасы и огромная банка ананасового компота. Правда, надписи над ней были на иностранном языке, но нарисованная на этикетке картинка южного фрукта говорила сама за себя. В довершение всего из-за пазухи белоснежного полушубка была извлечена бутылка коньяка.

Мы все многозначительно уставились на диковинки. В наших глазах читался вопрос: «Откуда?»

– Хорошо живёт «царица полей», – присвистнул меха-

ник-водитель.

– Давай к нам, тракторист! – весело подмигнул старлей. – И у тебя всё это будет.

– Не, мы при технике, – открестился Серёга.

– Разведчики поделились, – с гордостью оттого, что могли и сами всё съесть и выпить, но оказали уважение и угостили командира, похвастался Яков Михайлович. – Вернулись накануне из поиска и припёрли здоровенного обера и мешок новогодних подарков, которые ихние фрау своим гансикам прислали. Вот мои ребята, стало быть, у них и позаимствовали.

Мы промолчали, а что тут говорить? А наш новоявленный Дед Мороз продолжал раздавать подарки.

– Ефрейтор, а где медицина? – свёл он сурово брови.

– Дак это, товарищи командиры с ею незамедлительно придут. Приказали доложить о задержке, – вытянулся ефрейтор.

Словно бы подтверждая слова солдата, в землянку повалил народ. Два молоденьких младших лейтенанта, девушка-сержант с петлицами санинструктора и пожилой усатый политрук.

– Не прогоните? – поинтересовался усатый и представился: – Политрук роты Усьянцев Илья Сергеевич.

Было видно, что мужик не из кадровых. До войны был, скорее всего, парторгом на каком-нибудь заводе. Позднее выяснилось, что так оно и есть. Усьянцев попал в роту из

народного ополчения.

– Вроде бы мы здесь в гостях, – смущённо произнёс Кретов.

– Не прибедряйся, Сашок, – по-свойски приобнял его старлей. – Вы со своим танком здесь всех очаровали. Товарищ санинструктор, взять над танкистами шефство!

Девушка смущённо взглянула на Кретова и протянула ладонь:

– Ирина.

– Саша, то есть Александр, – поправился молодой человек.

Девчужка была совсем молоденькой. Едва окончившая школу. Светло-русые волосы мягкими колечками опускались на румяные, с симпатичными ямочками щёки. В обычных условиях неброская миловидность. А здесь она была королевой красоты и прекрасно это понимала.

Молодые лейтенанты смотрели на девушку с обожанием. Было видно, что оба по уши в неё влюблены. Это была их первая и, наверное, последняя любовь – «...кавалергарда век недолог». Командиры взводов на передовой сгорали быстро. Командир роты, наоборот, разговаривал по-хозяйски, всячески давая понять, что всё здесь принадлежит ему, и особенно санинструктор.

Один лишь политрук понятиливо улыбался, он был мудрее всех опытом прожитых лет. А я, глядя на захмелевших, ставших мне товарищами по оружию людей, видел совершенно

другое. Я видел, как на бревенчатых стенах землянки серой тенью распластал свои крылья ворон смерти. Ведь это всего лишь Новый сорок второй Год. А до победы ещё шагать да шагать. И мало кто из присутствующих в землянке встретит весну сорок пятого. А, может быть, никто.

И ещё я думал о том, что в своих прошлых жизнях мне приходилось много сражаться. Но то была война иного рода. В той войне я бился за свою жизнь и жизнь близких мне людей, и, обладая достаточным количеством специфических навыков, имел шансы уцелеть. Эта война таких шансов не давала никому. Словно огромный каток она катилась по российским просторам, сминая своей тупой тяжестью целые армии. И для того, чтобы остаться, в живых, требовалось нечто большее, чем обычное везение, требовалось, чтобы на тебя хоть краешком глаза взглянул Всевышний.

– Политрук, пойдём покурим, – отвлѐк меня от размышлений голос Яшки.

– Я не курю.

– Да ладно, мужик ты или нет? Поговорить надо.

Очень интересно, по-моему, я что-то пропустил. И о чём же таком секретном желает поговорить пехотный командир? Я незаметно выскользнул следом за офицерами.

– Ты с Ирочкой-то не очень обольщайся, Санѐк, – взял быка за рога старлей.

– А то что?

Ну вот, война войной, а из-за девчонок всё как всегда.

– Моя это боевая единица, – послышался Яшкин развязный смешок. – И спать будет со мной.

Послышался резкий щелчок и звук падающего тела.

– Гнида ты, старшой!

– Ах ты! Это так ты меня за хлеб-соль. Да я тебя!

Звук нового удара, и повторное падение.

– Девчонка добровольцем на фронт пошла, а ты, гадёныш, её в подстилки определил. А за хлеб-соль я своих принципов не продаю.

– Ладно, ладно, Санёк, поговорили, – злобно прошипел старлей. – Давай не афишировать. Потом договорим.

Я тихо попятился назад. Не хватало, чтобы меня здесь заметили. А Кретов-то молодец, как за девчонку врезал! Моего отсутствия никто не заметил.

– Товарищ политрук, пойдёмте танцевать! – приподнялась навстречу Александру Ирина, едва он вошёл в землянку. – Ребята патефон достали.

Было очевидно, что очень уж по душе пришёлся девушке молодой неразговорчивый политрук. Саша кокетничать не стал, а подхватив девушку за талию, выкружил в центр землянки. Я посмотрел в сторону старлей. Тот усиленно делал вид, что всё происходящее его не интересует. Но всё же время от времени кидал в сторону танцующих хмурые взгляды. А девушку уже перехватили молодые лейтенанты. Затем подключились Серёга с Валерой, и веселье разгорелось на всю катушку.

Само собой получилось, что мы с Усьянцевым оказались рядом.

– Молодёжь, – улыбнулся он, кивнув в сторону танцующих. – Пожить не успели. А вы, старшина, из запасных?

– Так точно.

– Откуда?

– С Амура.

– О, хотел я поехать к вам город Юности строить. Но семья, дети, закружило, – виновато произнёс он. – А я местный. Инженером на заводе работал, был парторгом цеха, а теперь вот воюю.

– Вся страна воюет, – дипломатично поддержал я разговор. – Товарищ политрук, а как ваш командир, не заносит?

Усьянец пытливо взглянул мне в глаза и, что-то поняв, произнёс:

– Молодой, горячий, пообтешется.

– Надо бы присмотреть, как бы они с нашим командиром дров не наломали.

– Хорошая девочка. С пополнением перед контрнаступлением к нам прибыла, – поняв, что я имею в виду, усмехнулся политрук. – Постоять за себя сумеет. А молодёжь завтра немец примирит. Если живы будем...

– Будем! – уверенно сказал я. – А иначе и воевать нельзя.

– Вы знаете, старшина, недавно в одной освобождённой деревне я разговаривал с женщиной. Спрашиваю: «Как вы жили?» А она говорит: «Немцам бельё стирала, так детишек

и прокормила». И вот скажи ты мне, старшина, как расценивать её действия, как пособничество врагу, или как?

– Это смотря как поглядеть, – осторожно произнёс я.

Тема была очень скользкой, и говорить об этом не рекомендовалось. Но спиртное всегда развязывало языки.

– Я рассматриваю её действия правильными! – сказал, словно отрезал подошедший Кретов. – Не по своей воле они под немцами оказались, и поэтому неподсудны.

– Молод ты, коллега, – задумчиво покачал головой Усыянец. – Особисты думают совершенно по-другому.

– Они и воюют с другими.

– Их работа тоже нужна.

– Не спорю. Но судить надо трусов и предателей, а не тех, кого мы бросили на произвол судьбы, – упрямо поджав губы, ответил Саша.

Наш командир нравился мне всё больше. И правда его была правильной, так думал и я. Государство, не сумевшее постоять за своих граждан, не имеет права на претензии к людям, пытавшимся выжить в тех условиях, на которые их обрекли. Это наш народ такой забитый и незлобивый. Он чувствует себя виноватым, даже когда его обворовывают и обрекают на рабство.

– Молодость, молодость, – покачал головой Усыянец. – Вот мой вам совет, Александр. Не говорите на эти темы с другими людьми. Вы мне очень симпатичны.

– Спасибо, Илья Сергеевич.

– Саша, ну что же вы? – Санинструктор Ирина была тут как тут.

Она прекрасно видела, какие вокруг неё разгораются страсти, но продолжала обострять ситуацию. Такие уж они, женщины. Им надо, чтобы из-за них совершались безумства и начинались троянские войны.

Ирина с Кретовым ушли танцевать, а я выбрался на улицу. Голова немного кружилась, и мне, некурящему, почему-то захотелось курить. Звёздное небо слегка покачивалось над моей головой, а луна по-свойски подмигивала одним глазом. «Второй на обратной стороне», – подумал я совершенно серьёзно.

Моё внимание привлёк шум за поворотом траншеи. Я поправил накинутый на плечи бушлат и, слегка покачиваясь, пошёл на шум. Не успел я завернуть за поворот, как навстречу мне вынырнула фигура в белом маскхалате.

«Что за чёрт, – мелькнуло в голове. – Разведчики из поиска вернулись, что ли?»

Додумать до конца не позволила блеснувшая в свете луны сталь. Натренированное тело среагировало автоматически. Плавный уход с линии удара, перехват кисти руки, крик боли, ругань на немецком языке, и обмякшее после удара пошее тело валится к моим ногам.

«Немец!» – только сейчас доходит до меня.

Я много читал о том, как наши разведчики лихо таскали из-за линии фронта языков. А сейчас сам чуть не оказался в

роли этого самого языка. Выходит, и немцы были не лыком шиты.

Продолжая действовать в ускоренном режиме, я подхватываю с земли кинжал и устремляюсь за поворот. Здравствуйте, вы нас не ждали, а мы припёрлися! Краем глаза улавливаю, как за бруствером скрываются сучащие по снегу валенки.

«Часового потащили», – отмечает сознание. А сам в прыжке достаю прикрывающего отход фашиста. Он делает попытку отбить удар кинжала автоматом. Звякает, высекая искры, металл о металл. В глазах врага мелькает огонёк надежды, а зря. Нож, перекинутый из правой руки в левую, мягко входит под ключицу. Всхлип, и ещё одна душа добавилась к списку погибших в этой войне. Но победу праздновать ещё рано. Где-то за бруствером страдает наш солдатик. Скидываю бушлат – мешает двигаться, подхватываю автомат немца и, подпрыгнув, выкидываю тело из окопа. Меня ждали. Короткая очередь из автомата, и одна из пуль обожгла щёку.

– С такого расстояния промазал, мать твою! – ору я в запале, и в сторону вспышек летит кинжал.

«Три – ноль», – отмечаю я на бегу.

С немецкой стороны бьёт пулемёт. Высоко. Я же при свете взлетевшей ракеты вижу впереди себя четыре распластавшихся на снегу фигуры. Одна из них в белом полушубке. Автомат дёргается в моих руках, пока не заканчиваются па-

троны, и тела в белых маскахалатах больше никуда не ползут.

Не дожидаясь более прицельной очереди со стороны немцев, я падаю в снег и ползу к «полушубку». А вокруг меня разгорелись нешуточные страсти. С обеих сторон полетели разноцветные ракеты. Застрочили пулемёты, и забухали взрывы дивизионных миномётов.

«Как бы наступление по всему фронту не началось, – думаю я бесшабашно. – И будет тогда Курская дуга не в сорок третьем, а в сорок первом году».

– Живой? – спросил я, ткнув «полушубок» стволом автомата.

– Жив-вой! – услышал в ответ.

– Ну и ладушки. – Я выдернул из трупа немецкого разведчика кинжал и перерезал путы на руках бойца. – Давай за мной.

И сопровождаемые грохотом канонады и весёлой иллюминацией световых ракет, мы благополучно вернулись в траншеи. Там нас уже ждали.

– Ты? – удивлённо протянул старлей Яша. – Ты один положил немецкую разведку?

– Случайно, – повiniлся я. – Паренька жалко стало.

Освобождённый, совсем ещё юный солдат, не стесняясь, размазывал по щекам слёзы.

– Век помнить буду, – приговаривал он сквозь всхлипы.

– Под арест, в мать, в Бога, в двойные перепёлки! – выругался Яшка.

– А ты понимаешь, старшина, что тебе как минимум «отвага»⁴ светит? – ткнул меня в плечо Устьянцев.

Я пожал плечами. Лестно, конечно, но ведь это не мне, и носить её мне навряд ли придётся.

– Если доложите, – усмехнулся Кретов.

– И доложу! – решительно произнёс Яков.

– Как немцы у тебя бойца выкрали? – спросил политрук.

Я взглянул на старлея. По его лицу было видно: за случившееся придётся отвечать. И он решил сменить тему разговора.

– Слушай, политрук! – повернулся к Кретову старлей. – Отдай мне старшину! Мне такие, – он чиркнул ребром ладони по горлу, – во как нужны!

А я в который раз вспомнил славный город Ленинград и сержанта-инструктора, научившего меня азам рукопашного боя и умению выживать в любой ситуации.

– Хорошие бойцы везде нужны, – ответил Александр и протянул мне бушлат. – Одень, простынешь, весь экипаж заразишь.

«Сорвалась медалька», – хихикнул внутренний голос. «Не за ордена воюем, – усмехнулся я про себя, глядя на продолжавшего всхлипывать бойца. – И паренёк под трибунал не попадёт».

– Товарищ старший лейтенант! – раздался голос из-за поворота траншеи. – А фриц-то живой.

⁴ Медаль «За отвагу».

А я, вспомнив закатывающиеся глаза первого встретившего меня немца, улыбнулся:

– Интересно, а куда вы «языка» спишете?

– Задал ты, старшина, старлею задачу, – хмыкнул идущий следом политрук.

Сопровождаемые грохотом растревожённой артиллерии, мы вернулись в блиндаж. Война войной, но праздник следовало догулять. Когда ещё придётся?

Глава 3.

БОЙ У ХУТОРА ГНИЛЯНСКИЕ ДВОРЫ

– Подъём, боец! – разбудил меня крик стрелка-радиста.

Я подскочил словно ужаленный и завертел головой по сторонам. Прошедшая ночь помнилась смутно. Помню, как за спасённую честь роты проставлялся Егоза. А потом уговаривал бросить «могилу четверых» и идти к нему командиром разведки. «Как сыр в масле будешь кататься», – пьяно стучал он кулаком в грудь. Всё закончилось приказом Кретова: «Экипажу спать!»

– Вас ждём, товарищ разведчик, – шутовски козырнул Валера.

– Да ну тебя, – поморщился я. Прошедшая ночь сказывалась на самочувствии.

– Серёга двигатель разогрел, политрук приказал тебя вытащить. Выступаем. – Голос Валерки стал серьёзным.

Я подхватил автомат и выскочил из землянки. Было ещё темно, но восток готовился к встрече с солнцем. Серый го-

ризонт едва подёрнулся розовым налётом, а свежий ветерок был уже чувствительно утренним. Первое января тысяча девятьсот сорок второго года, что-то принесёт нам первый день нового года?

Пофыркивая клубами вонючего дыма, совсем по-домашнему урчала дизелем наша «тридцатьчетвёрка».

– Отсюда до моего Сокольего километров шесть будет, – постукивая ногой по гусиничному траку, задумчиво произнёс Кретов.

– А может, того? – хитро посмотрел на командира стрелок-радист.

– Как ты себе это представляешь? – нахмурился Александр. – И что будет, если каждый станет по своему разумению по передовой раскатывать?

– Дак пять километров всего!

– Саша! – прервал опасный разговор негромкий девичий оклик.

Проводил всё-таки вчера дивчину наш политрук, не потерялся. Мы деликатно отвернулись в противоположную сторону.

– Ты зачем здесь? Неудобно, бойцы кругом, – стесняясь, произнёс Александр.

– Что-то у меня на душе беспокойно, – потупилась девушка.

– Не переживай, я живучий.

– Об одном прошу, останься живым, – сквозь слёзы про-

шептала Ирина.

– Да ты что! Здесь мои родные места, сама земля помогает! – преувеличенно бодрым голосом воскликнул политрук. – А теперь иди, пора нам.

Глядя, как ладная фигурка в белом полушубке скрывается за поворотом траншеи, я подумал, что военному поколению даже любовь досталась не такая. Всё наспех, всё сквозь слёзы.

– К машине! – Команда политрука бросила нас с радистом к танку.

Серёга уже сидел на своём месте и сосредоточенно шурудил рукоятью коробки передач и рычагами фрикционов.

– Не подведёт нас коробочка? – крикнул Кретов, ставя ногу на гусеницу.

– Постараемся, командир!

– Ну, с Богом! – сам того не заметив, обратился к Всевышнему молодой коммунист.

Заскрежетали шестерёнки коробки передач, танк взревел и, судорожно дёрнувшись, покатил вдоль передовой.

– «Коробочка пять, коробочка пять»! – раздалось в наушниках.

– Есть «коробочка пять»! – закричал Кретов.

– У тебя роты под Гнилым залегли. Сильный фланговый огонь из пулемётов. Ты там что, спишь, твою мать!

– Вас понял, вас понял! – не стал вдаваться в дискуссию Саша. – Серёга, жми!

Вдавливая гусеницами рыхлый снег, мы выскочили на поле перед селом Гнилое.

– Лежат, командир! – донёлся голос механика. Он как обычно ехал с приоткрытым люком и видел обстановку лучше других.

Бывалые танкисты говорят, что пятьдесят процентов успеха в бою зависит от механика. Они правы. И в этот раз мы остались живы благодаря Серёге, потому что выскочили прямо на противотанковую батарею немцев. А уж они-то не растерялись и постарались взять нас в оборот. Вокруг танка взрывами вскинулась земля.

– Серёга, назад! – вцепился в маховики наведения орудия командир.

Танк резко встал, так, что я вновь приложился лбом. Затем каким-то невероятным образом скакнул в сторону.

– Вижу пушку! – заорал механик. – Чуть левее крайней избы.

– Понял, короткую! – сориентировался Сашка.

Я вам скажу, что стрелком наш политрук был от бога. Таких называют снайперами. Раздался выстрел, и танк сразу же подался назад. Там, где мы только что стояли, взметнулась земля от ответного выстрела немцев.

– Есть! – заорал Серёга.

Я не выдержал и выглянул в открытый люк. Немецким артиллеристам повезло меньше, они так быстро передвигаться не могли. Их пушка валялась вверх колёсами на краю во-

ронки.

– Жорка, а ну назад! – схватил меня за штанину политрук. – Тебе что, жить надоело? – крикнул он, когда я свалился обратно в башню.

– Ух и банька! – вытер грязный пот со лба Серёга, когда мы вырвались из зоны обстрела. – Что делать будем, командир?

– Я знаю что, – довольно улыбнулся Александр, немного подумав. – Здесь неподалёку есть хутор Гнилянские Дворы. К нему можно незаметно подойти по балке.

– Веди, командир, – азартно воскликнул механик.

Я трясся на жёстком сиденьи и тщетно пытался разглядеть через боковой перископ хотя бы что-то. Выглядывать из люка я больше не решался. Дальнейший бой мною воспринимался через команды Кретова и возгласы экипажа.

– Не ждали, гансики! – торжествующе заорал Серёга. – Командир, вот повезло так повезло!

– Да у них тут база! – присвистнул политрук. – Механик, всех под гусеницы!

– Командир, справа разворачивают противотанковую! – это уже стрелок-радист.

– Поздно спохватились, сволочи! – закусил губу Саша. – Серёга, прибавь!

– С Новым годом, вашу мать! – завопил Серёга, и танк ощутимо подбросило на каком-то препятствии.

По радостным воплям экипажа я понял, что этим препятствием оказалась не успевшая приготовиться к бою пушка.

– Командир, драпают! – раздался голос Валеры. – Раз, два, три, четыре... пятнадцать. Командир, пятнадцать грузовиков, что-то вывозят!

– Зажигательный!

Я с готовностью нащупал снаряд и отправил его в казённик.

– Короткая! – продолжал командовать Саша.

Раздался выстрел, и танк двинулся дальше.

– Откат нормальный! – крикнул я, когда ствол орудия вернулся в первоначальное положение.

– Есть, головной горит! – доложил механик.

– Встали, объехать не могут, снег глубокий! – заорал стрелок-радист, и в звуки боя вплелись раскатистые пулемётные очереди.

– Дави их!

После команды политрука машина запрыгала, словно по кочкам. Это уже потом я с интересом рассматривал раздавленную нашим танком колонну немецкой техники с боеприпасами. Когда мы допрашивали взятого в этом бою в плен немецкого ефрейтора, то узнали, что наша атака оказалась для фашистов полной неожиданностью. Поэтому нам и удалось выбить их из хутора всего лишь одним танком. Когда

мы выскочили на окраину хутора, то перед нами, как на витрине, оказались немецкие укрепления. Танк вышел им во фланг.

– Осколочный! – скомандовал Кретов.

И начался расстрел немецких позиций. Первым на воздух взлетело пулемётное гнездо. Следом за ним отправилась полковая пушка, вместе со всем орудийным расчётом. Видя такое дело, в атаку поднялись стрелковые цепи. И над полем разнеслось могучее: «Ур-ра!»

Мы с командиром выбрались наверх и, сидя в люках, наблюдали за исходом боя.

– Тьфу ты чёрт! – выругался Кретов.

– Что, командир?

– Зацепило.

– Серёга, давай в санчасть! – крикнул я. – Командира ранило.

Рана у Кретова оказалась лёгкой. Санинструктор Ирочка наложила ему повязку и приказала обратиться в полевой госпиталь. В госпиталь политрук не поехал.

– Обойдусь, на мне заживает как на собаке, – сказал он. – Чего доброго, вы за это время всех фашистов расколошматите.

– Не, товарищ политрук, без вас не получится, – ухмыльнулся Серёга.

На следующий день поступил приказ сменить место дислокации. Время было такое, что, пока шло контрнаступление

ние под Москвой, мы практически не выходили из боя. Танков было мало, танки требовались везде. Бывало такое, что сегодня мы воевали на одном участке фронта, а завтра уже за пятьдесят километров от него.

На наших глазах расцвела любовь санинструктора Ирины и Александра. Видя такое дело, старший лейтенант Егоза не пожелал быть проклятым разлучником и помирился с политруком. Хотя их отношения продолжали оставаться слегка натянутыми.

– Экипаж у вас добрый, – говорил он, когда в редкие минуты передышки нам удавалось встретиться за чашкой чая, – можно сказать, геройский.

Он помнил и новогоднюю ночь, и немецкую разведку. Помнил он и день первого января, когда мы своей атакой спасли положение и помогли ему взять село. Кстати сказать, к медали он меня всё-таки представил. Немецкий разведчик дал ценную информацию о системе обороны противника, что помогло нам в дальнейшем.

– Сам понимаешь, возникнет масса ненужных вопросов. Ты-то герой, спору нет, а мы окажемся в полном дерьме, – говорил он смущённо в тот вечер. – Но обещаю, что «Отвага» за мной.

Но на следующий день, когда немец заговорил, старлей изменил свою позицию. Победителей не судят.

Я лишь улыбался, в очередной раз удивляясь неистребимому желанию наших дедов не думать о смерти. Что можно

было загадывать наперёд в то время, когда по средним статистическим данным на фронте в день погибало около двадцати тысяч человек...

Каждый день, прожитый на войне, – это целая жизнь. И если эта жизнь не прервалась куском раскалённого металла или холодным лезвием плоского немецкого штыка, то считай, ты заново родился.

Под разрывы снарядов и грохот канонады прошли рождественские праздники. Утро десятого января застало нас под селом Малиновкой.

– Экипаж, кончай ночевать, – подняла нас команда политрука. – Валера, связь с батальоном.

– Есть связь, командир! – радостно доложил связист. Покрутив настройки, добавил: – Второй вас требует.

– Да, есть, понял, будет исполнено! – По лаконичным ответам политрука мы сообразили, что и сегодня повоюем.

– Выдвигаемся на дорогу, – ответил он на наши вопросительные взгляды. – Летуны сообщили, что из Солнечного на Воробьёвку движется колонна немцев. Необходимо уничтожить.

Подпрыгивая на ухабах, выбираемся на дорогу и, прибавив газу, устремляемся к цели. Надо сказать, что в те дни на фронте творилось чёрт знает что. Чёткой линии обороны не было, и воевать приходилось в полупартизанских условиях. Сегодня это село было нашим, а завтра там обедали фашисты.

– Командир, вижу колонну! – доложил Серёга.

– Сопровождение?

– Два противотанковых на конной тяге.

– Где?

– В голове колонны.

– Атакуем, пока не успели развернуться!

Лихо зарычал двигатель. Выходим в лоб колонны.

– Забегали! Пушки разворачивают, – азартно кричит Валера. – Может, вдарим?

– Газу давай, должны успеть! Жора, осколочный! – командует Сашка.

Я опять, словно слепой котёнок, ориентируюсь лишь по обрывочным выкрикам экипажа.

– Есть осколочный!

Не делая остановки, политрук рвёт спусковой механизм. Не дожидаясь, пока ствол встанет на место, подхватываю следующий снаряд. Я уже знаю, какая последует команда. Второй и третий выстрел тоже не приносят существенных результатов. Стрельба с гусениц – это стрельба в молоко. Но она достигает главной цели: свистящая над головой шрапнель пригибает к земле даже самых отчаянных. Немецкие артиллеристы дрогнули, нервы у ребят не железные. И вот по разбегающимся орудийным расчётам застрочил Валеркин пулемёт. В наушниках внутренней связи слышатся вишневатые обороты ненормативной лексики.

Я временно остаюсь без работы и, не выдержав неизвест-

ности, на мгновение вынырываю из люка. Глаз отмечает колонну приличных размеров. В ней около десятка автомобилей и полусотни запряжённых понурыми лошадками подвод.

Перепрыгнув через пушки, тараним головной грузовик. Я ныряю в тёмную пасть провонявшейся порохowymi газами башни. Замечаю неодобрительный взгляд командира.

– Проветрился! – пожимаю в ответ плечами и приникаю к боковому перископу.

Возницы в панике режут построики и, вскакивая верхами, разбегаются в разные стороны.

– Командир, может, трофеи захватим? – слышу в наушниках голос Серёги.

– На кой чёрт тебе немецкие снаряды? – отвечает политрук. – Дави!

И мы смерчем проходим по дороге. Непрерывно грохочет пулемёт, ревёт дизель, лязгают гусеницы – мы ангелы или, скорее, дьяволы возмездия. Почему человеческая природа не может обойтись без убийств? Ведь мы всё равно умрём, жизнь и без этого коротка. Зачем торопить неизбежное?

– Всех в ад, всех в ад! – сжав зубы, рычит Кретов.

Как я его понимаю. Даже не знаю, что бы я делал, если бы воевать на пороге родного дома пришлось мне?

На обратном пути неугомонный механик остановил танк рядом с опрокинутыми подводами.

– Что-то двигатель греется, переждать бы надо. – Он озабоченно постукивает кулаком по заборнику воздуха.

Мы все вопросительно поглядели на Кретова.

– Трофейщики всё равно себе прикарманят, – заступаемся за механика.

– Давайте уже, – обречённо машет он рукой. – Только на раненых фрицев не нарвитесь. Не хватало ещё после боя пулю получить.

Улов оказался богатым. Серёга, довольно покхекивая, распихивал припасы по бортовым ящикам из-под снарядов. Коньяк, консервы, сигареты, колбаса и сладости наполняют танк запахами чужой и непонятной жизни.

– А это для Ирочки. – Серёга протягивает командиру флакончик с французскими духами.

– Ну вот ещё, – слегка покраснев, хмурится тот.

– Придётся самому дарить, – вздыхает механик, – девушки такие штучки даже уважают.

– Давай сюда! – решается командир.

Мы отворачиваемся, пряча невольные улыбки.

День простояли у села Максимово. Завтра с утра готовится штурм. Для нас все схватки с фашистами кажутся битвами, а в сводках передают, что на нашем участке фронта идут бои местного значения. Серёга с Валеркой пишут письма, а нам с политруком писать некому. Хотя Саша, немного подумав, присоединяется к другим.

– Здорово, маслопупы! – Огонь керосинки, резко дёрнувшись, едва не погас.

В дверях блиндажа, весело скалясь, стоял Егоза.

– Что, не ждали?

При виде старлея Кретов невольно оживился. Мы понимающе переглянулись – Ирочка. После боя у Гнилого они встречались только урывками и на людях.

– Товарищ старший лейтенант, какими судьбами? – расплылся в довольной улыбке Серёга. Он знал, что бравый комроты просто так не приходит.

– Да вот, были на отдыхе и переформировании, а тут приказ – к вам под Максимово менять Третью роту.

– Значит, опять вместе повоюем?

– Значит, повоюем. Гостей принимаешь? – Яков пытливо взглянул в глаза Кретова.

– А что нам делить? Гостям мы всегда рады. – Саша крепко пожал протянутую руку, а мы облегчённо вздохнули. – Серёга, давай, что у нас там есть. А то пехота сманит нашего Жорку своими трофеями в разведку.

– Айн момент, командир! – Сергей изобразил успокаивающий жест. – Всё будет в ажуре, когда за дело берётся профессионал.

В ящиках для ЗИПа у нашего механика лежали не только запчасти. И импортным коньяком нас было не удивить. Что мы, зря немецкие колонны под гусеницы пускали? И перед изумлённым Яковом на грубо оструганных досках стола стали появляться всякие вкусности.

– Сыр голландский, – взглядом провожая извлекаемое из вещмешка, комментировал Сергей. – Вино французское с

газами для мамзелек ихних, – скривился механик, вспомнив кислый вкус шампанского. – Колбаса фаршированная, колбаса копчёная...

– Ну, вы даёте, – покачал головой старлей. – Обжились. А мы на переформировании слегка отошали.

– Подкормим, – солидно пообещал Серёга и в завершение водрузил на стол три фляжки. – А этот продукт наш. Самогон. Проверен временем и желудками многих поколений русских людей.

– Зови своих, – стараясь быть равнодушным, произнёс Саша.

Егоза понимающе глянул на политрука и произнёс:

– Лейтенанты погибли, а остальные должны подойти.

– Как? Мальчики ведь совсем, – покачал головой Валера.

– На таких мальчиках теперь Россия держится, – задумчиво произнёс я.

– Бери больше! – поправил механик. – Весь мир!

Глава 4.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

– За победу!

– За Сталина!

– Ура!

Временное затишье собрало всех за нашим хлебосольным столом. Завтра бой. Егоза с Кретовым обсудили все нюансы и теперь, не отрываясь от народа, поддерживали победные тосты. Пить без здравниц русский человек не станет. Без тоста

получается обыкновенная пьянка.

– Ирочка, французское ситро, специально для вас. – Сергей налил санинструктору в кружку шампанского.

– Для таких вещей фужеры полагаются, – грустно улыбнулась девушка.

Она подошла немного попозже. Почётным эскортом при ней были три молодых младших лейтенанта из свежего пополнения, уже знакомый нам старший политрук Усьянцев и командир гаубичной батареи старший лейтенант Горак Ваня. Здоровенный конопатый хохол родом из Винницы. Егоза решил ещё шире крепить содружество родов войск.

– Гаубица «М-30» – это першая артиллерийская разработка, – пьяным голосом пытался втолковать он мне, как коллеге-артиллеристу. – Дальность стрельянины с закрытых позиций двенадцать километров. Шо твои семьдесят шесть миллиметров против её ста двадцати двух?

– Нам хватает, – скромно заметил я.

– Эх ты! – протянул огорчённо артиллерист. – Во всех баталиях пушкари были наиголовнийшей силой. Не зря нас называют «Боги войны». А вас, вот вас, танкочей, як кличут?

– Нас не надо звать, мы сами приходим, – строптиво ответил я.

– Бог войны, ты чего на старшину нападаешь, – приобнял меня за плечи Егоза. – Этот парень герой. Он у меня ещё разведкой командовать будет.

Из-за спины Якова улыбалась пришедшая из штаба ра-

дистка Вера. Парень времени зря не терял и, сообразив, что у Кретьова в отношении его медсестры серьёзные намерения, нашёл ей достойную замену.

– Думку я мати, шо тойный старшинка ни як ни раз-умит в пушкарской справи, – скатился на родную мову окончательно окосевший старлей.

– А на хрена ему это надо? Он один немецкую разведгруппу под корень, – никак не мог забыть новогоднего происшествия бравый комроты.

– Ой, как интересно, давайте чокнемся, – жеманно подставила мне свою кружку Вера. – А вы действительно герой?

– Брешут люди, – галантно улыбнулся я.

– Чокнуться можно, но больше ни-ни, – присоединился к нам Егоза. – Эти ребята-танкисты очень ушлый народ, так и норовят от нас всех девчат умыкнуть.

– Дивчиноньки – то гарно, – поддакнул артиллерист, – и горилочка у вас дюже мицна⁵.

Перебивая всеобщий гомон, патефон заиграл вальс «На сопках Маньчжурии». Егоза, пригрозив мне пальцем, подхватил Веру под руки и ринулся в центр блиндажа.

«Опасается пехота, что и эту уведут,» – усмехнулся я про себя. Потом посмотрел на артиллерийского старлея:

– Пойдём, Ваня, проветримся.

Морозный воздух на здоровяка подействовал отрезвляюще.

⁵ Крепкая (пер. с укр.)

– Веришь, нет, до войны ни курил, ни пил. А здесь начал. Я на фронте с декабря сорок первого. До этого в училище курсантов обучал. Уйму рапортов написал, всё отпускать не хотели. А перед наступлением отпустили. Видимо, люди на фронте очень нужны. Второй месяц воюю. Сорок процентов личного состава поменялось, а мне хоть бы хны, – разговорился парень, перейдя на чистый русский язык.

Я слушал украинского парубка и думал о том, что мало кто из начавших войну в сорок первом закончит её в сорок пятом. Статистика, мать её етит!

– Ну что, очухался? – перебил я словоизлияния старлея. – Пойдём в тепло.

У входа в блиндаж маячили две приникшие друг к другу тени. При нашем приближении они отпрянули в разные стороны. Я подтолкнул зазевавшегося Ваню и прошёл мимо влюблённых, словно ничего не заметил.

– Жора, вы там слишком не налегайте, завтра с утра бой, – услышал я за спиной голос Кретьова.

– Не переживай, командир, всё будет в порядке. Сапоги дорогу знают, – ответил я, не задерживаясь.

Утро следующего дня выдалось хмурым и неприветливым. Низко над головой гуляли тяжёлые тучи. Свежий ветерок гонял по полю клубы белого снега.

– Пурга будет, – сплюнул под ноги Валера.

– Ну и хорошо, немец в такую погоду воевать не любит, – жизнерадостно прихлопнул руками в меховых рука-

вицах Серёга.

– Вон командир бежит, сейчас обрадует, – недовольно сообщил Валера.

Парень был явно не в духе. И отчего бы это?

– Будем брать Максимово, – переведа дух, выпалил подбежавший командир.

И вновь наша «тридцатьчетвёрка» мчится навстречу разрывам и пулемётной стрельбе. Вновь поднимаются со штыками наперевес солдатские цепи. Молоденькие лейтенанты сорванными на морозе голосами, подгоняя замешкавшихся бойцов, кричат свои первые в жизни матерные слова. А где-то недалеко в тылу приникли к прорезям пулемётных прицелов такие же молодые ребята. Но им дан другой приказ, стрелять не по фашистам, а по своим. Если, не дай бог, они не выдержат этого ада и побегут в тыл. Заградотряды войск НКВД претворяли в жизнь директиву Ставки «Ни шагу назад!».

Когда я сказал, что наша «тридцатьчетвёрка» мчится вперёд, то немного приукрасил. Густо падал снег. При такой видимости мчаться мы никак не могли. Мы ползли со скоростью, позволяющей нашим пехотинцам не отстать.

– «Коробочка-5», ты где? – раздался в наушниках голос комбата.

– Ответь ему, что скоро будем у околицы Максимова, – крикнул Саша стрелку-радисту.

– Командир батальона, к которому ты прикреплён, просит

не ждать пехоту, а ударить по огненным точкам и обеспечить прорыв в село, – передал комбат.

– Понял! – крикнул Кретов. – Серёга, а ну-ка наддай!

Дома у околицы села неожиданно вынырнули из-за снежной стены.

– Жора, любишь из люка смотреть? – повернулся ко мне Саша. – Сейчас самое время. Давай, а то Серёга совсем ничего не видит. Как бы не прозевать чего.

Я выбрался наверх и уселся на краю люка. Сухой колючий снег нещадно сёк лицо. Прикрывая ладонью глаза, я вглядывался в проступающие сквозь снежную круговерть дома и строения. А это что?

– Командир, – крикнул я, нырнув в люк. – Впереди на полпервого в хлеву немецкий танк.

– Сергей, не попадись! – предупредил водителя политрук.

– Вижу!

– Бронебойный! – это уже ко мне.

Я ждал этой команды, и снаряд, звонко клацнув, упал на лоток казённого.

– Короткая!

На всякий случай я приготовил второй снаряд. В это время наш танк тряхнуло.

– Кусается! – закричал Валера. – Увильнул, гад!

– Бронебойный!

– Есть!

– Короткая!

– Получи, сволочь!

Я вынырнул из башни и увидел, как от овина в разные стороны разлетаются брёвна. Словно в замедленной съёмке, немецкий танк как бы вздулся, а затем громко лопнул. Башня сорвалась, и отлетела далеко в сторону. Я свалился назад в свою башню.

– Боеукладка детонировала, – осипшим голосом произнёс Кретов.

И каждый из нас в этот миг подумал: «Хорошо, что не мы». Ведь даже представить страшно, что происходит с человеческой плотью, оказавшейся в этом огненном аду.

Надо заметить, что наши танки детонировали гораздо чаще, чем немецкие. А почему, никто не знает. Может быть, всё дело в боеукладке?

В это время в село входили первые цепи нашей пехоты. Облепленные снегом, словно белые призраки, солдаты с трудом вытягивали из наста валенки. Такие же белые, словно снеговики, немцы, прямо на околице села схватились с нашими врукопашную.

Мы же продолжили свой путь вдоль немецких укреплений. Гусеницы вминали в снег всё, что не успело убраться с нашего пути. К обеду село было нашим.

– Спасибо тебе, политрук, ты со своими ребятами, как всегда, вовремя, – жал руку Кретову Егоза.

– Что медленно пылим, пехота? Так и Гитлера не догонишь! – крикнул механик-водитель устало шагающим по доро-

ге солдатам.

– Подвёз бы, чумазый! – задорно ответил молоденький парнишка. – Глядишь, и супостата вовместях бы споймали.

– «Вовместях», – передразнил солдатика Сергей. – Деревня, это ж техника, ей отдыхать полагается. Это тебе, семизильному, без разницы.

К вечеру поступила команда выдвигаться к селу Выпозово.

– К нам на помощь должны подойти ещё две машины из нашей роты, – говорил нам Кретов, ставя боевую задачу. – Разведка докладывает, что в селе много танков. Пехота не может зацепиться за окраины.

– Как много? – поинтересовался Валера.

– Около десятка.

– Как прогноз погоды, – усмехнулся механик-водитель. – Может, снег, а может, дождь.

– А в итоге – град с горох, – добавил я.

– И что мы тремя танками там будем делать? – продолжал выражать недовольство стрелок-радист.

– Фрицев бить! – вспылил политрук. – Отставить разговоры!

Было видно, что он сам недоволен неточными сведениями разведки. А мы с Серёгой переглянулись. Что-то не нравился нам в последнее время стрелок.

– Брюзжит и брюзжит, как перед смертью, – шепнул мне механик.

– Тьфу на тебя! – выругался я. – Ты чего болтаешь, в одном танке сидим. Если накроет, то всех.

– Ей-богу, примета такая! – выпучил глаза Серёга.

– Да пошёл ты! Может ещё перекрестишься, комсомолец, – не выдержал я и полез на башню.

Всю ночь жгли костёр и грели двигатель. Мороз давил такой, что трещали деревья. Вот тебе и средняя полоса России. Не зря немцы жаловались на русские морозы. Это, мол, они не дали им войну выиграть. Они ведь планировали нас до зимы на колени поставить и к морозам готовились спустя рукава. Но таких холодов не помнили даже местные старожилы.

Утром невыспавшиеся, усталые и злые, мы выруливали на исходные позиции. Ночью подошли два лёгких БТ-7. Увидев их, мы невольно переглянулись и разочарованно вздохнули. Танк был так себе и горел за милую душу. Пушка слабая. Единственный плюс, это два пулемёта – зенитный и крупнокалиберный. Мы поняли, что основной удар ляжет на нас.

– А ведь сегодня Новый год по старому стилю, – сообщил Серёга.

– Сейчас сами отпразднуем и фрицев поздравим! – усмехнулся Кретов.

Ночью, после прибытия наших танков, была разработана тактика боя.

– Держитесь немного сзади и по бокам, – объяснял полит-

рук командирам «бэтэшек». – Если что, прячьтесь за меня.

Следуя этой тактике, мы устремились к селу.

– Командир, танки! – как всегда первым заметил врага Сергей.

– Точнее!

Но уточнять не потребовалось. Обрушивая стены изб, на простор выползали прятавшиеся там до поры до времени машины.

¹ Танк образца 35-го года с орудием 45 мм и бензиновым авиационным двигателем, экипаж три человека.

– Не сбrehали разведчики, ровно десять, – выругался Валера.

– Ну что, мужики, повоюем! – Казалось, что такое несоответствие в расстановке сил только радует нашего командира. Его облик преобразился. Глаза парня радостно блестели, а с языка сыпались шуточки-прибауточки. Это был настоящий воин. Я мимоходом удивился, почему он сразу не пошёл в военное училище, а стал учителем?

– Девять Т-2 и один Т-4⁶, – уточнил расклад механик-водитель.

– Да хоть двадцать, Жора, бронбойный!

И началась танковая дуэль. Серёга вертелся словно уж. В голове стало как-то легко и свободно. Я лично убедился, каким становится человек в моменты длительного нахождения на границе между жизнью и смертью.

⁶ Т-4 – средний танк.

Моя душа, как это бывало не раз в прошлом, покинула свою телесную оболочку и, воспарив над полем боя, наблюдала за деяниями смертных. Увидев двигавшиеся навстречу немецкие танки, пехота залегла, затем стала пятиться к траншеям. Немецкие танки, не нарушая строя, неторопливо двигались навстречу нашим трём машинам. В медлительной уверенности чувствовалась спесь и показное превосходство. Наверное, точно так же, много веков назад, по льду Чудского озера шли закованные в латы немецкие рыцари.

Время от времени машины приостанавливались, и тогда из стволов вырывались языки пламени. Идущая впереди «бэтэшек» «тридцатьчетвёрка» практически весь удар приняла на себя. Вокруг неё огненным плугом вспахивали землю разрывы немецких снарядов. И было чудом, что она ещё не попала под этот страшный лемех и продолжала катиться вперёд.

– Жора, броневой! – вернул меня в башню отчаянный крик командира.

И началась работа!

– Командир, горит, сволочь! – пересилил рёв двигателя радостный вопль Серёги.

Пороховые газы, скопившиеся в танке, не давали дышать. Я чувствовал, что угораю. Но руки продолжали выполнять привычное дело. И вот наступил момент, когда перед глазами всё поплыло.

«Ты не бойся, я за тебя молюсь», – раздался до боли зна-

комый голос. Я вглядывался в черты родного лица и с тоскою думал, что судьба и время разлучили нас навсегда. «А кто помолится за этих парней? – спросил я грустно. – Почему ты ко мне продолжаешь приходить, ведь нашей встрече уже не бывать?» «Разлуки нет, пока мы помним друг о друге, – улыбнулась Луиза. – Кто знает, что нас ждёт впереди?» «Я даже не уверен, выйду ли я живым из этого боя или нет. А ты говоришь о будущем». «Я не дам тебе погибнуть», – уверенно произнесла девушка. «Но ведь мой командир станет Героем Советского Союза посмертно. И это факт. А танк такая штука, где погибают все вместе, а героя дают командиру». «Не торопи судьбу, любимый, верь мне», – откуда-то издали прозвучал голос Луизы.

Я дёрнулся и открыл глаза. Вокруг всё лязгало и грохотало.

– Ты брось это, Жора, нам только твоих обмороков не хватало! – послышался радостный голос Кретова. – Я люк открыл, сейчас полегче будет. Бронебойный!

Впереди красивыми пионерскими кострами горели два лёгких Т-2. «Неужели это мы», – мимоходом удивился я.

– Вы что, решили весь бой за мной отсидеться?! – зло кричал в микрофон Сашка совсем прижавшимся к нам «бэтэшкам». – Под трибунал отдам! А ну-ка веером!

Едва следовавший слева от нас танк выполз на оперативный простор, как был подбит. Резво крутнувшись на месте, он выпустил чёрный столб дыма и встал.

– Чёрт, Малютина подожгли! – выругался Серёга.

– Короткую! – закричал Сашка. – За маму! – добавил он, когда вспыхнул ещё один немец.

Перед нами горело уже четыре танка. Три из них подбили мы. Остались шестеро против двоих.

– Серёга, выходи на «Четвёрку»⁷, а то он нас всех пожжёт! – скомандовал Кретов.

– Понял, командир! Вон он, сука!

– Вижу! Бронебойный!

– Есть бронебойный!

– Короткая!

Раздался выстрел и торжествующий крик механика:

– Разули, командир! А теперь обуи его ещё одним по самые ... !

– Жорка!

– Есть Жорка!

– Выстрел!

– Откат нормальный!

– Ну, ты ас, командир, под самый срез! Горит!

Заработал пулемёт стрелка-радиста. Чёрные фигуры немецких танкистов, переламываясь, падали с брони под гусеницы чадающей жирным шлейфом копоти машины.

– Во, и Валерка проснулся! – радостно засмеялся механик.

Видя, что наш танк, несмотря на все их усилия, продол-

⁷ Танк Т-4.

жает оставаться неуязвимым, немцы неуверенно приостановились. И сейчас же за это поплатились. Сделав небольшую остановку, мы с ходу вlepили крайнему танку бронепробойным. Раздался взрыв, и башня, словно игрушечная, сделала несколько оборотов, улетела в сторону.

– Удачно! – вновь похвалил командира Сергей и, отжав рычаг фрикциона, направил танк вдоль передовой.

– Хороший день! – порадовался и я. – Командир, давай для ровного счёта.

– Как скажешь, бронепробойный! Короткую! – сверкнул зубами на чёрном от копоти лице Сашка.

Несмотря на то что были открыты люки и у механика-водителя, и у командира, дышать было нечем. Я открыл свой люк и выглянул наружу.

– Жора, не лезь на рожон! – предостерег меня политрук.

– Один глоток воздуха, командир, а то опять отрублюсь, – попросил я.

Я был недалёк от истины. Во время боя заряжающие частенько угорали от выбросов пороховых газов и теряли сознание.

На поле перед селом горели немецкие танки. Три оставшихся целыми танка, огрызаясь, словно побитые псы, пятились назад, под защиту строений. Наша пехота с криками «ура!» устремилась к сельской околице. Я прозевал момент вспышки и лишь по мощному удару, сотрясшему «тридцатьчетвёрку», понял, что нас подбили. Взив мотором, танк

крутнулся на месте и беспомощно замер.

– Эх, невезуха! – с досадой крикнул Кретов, выбираясь наружу. – Ещё бы чуть-чуть, и мы бы их всех покарали.

– «Гуска», командир, надо трак менять, – высунулся из своего люка Серёга. – А так вроде бы порядок.

Вы пробовали заниматься ремонтом гусеницы? Тяжело? А представляете, как это можно делать под обстрелом? Вот и я говорю.

Я и Кретов остались в танке и продолжали вести огонь. Благо боезапаса ещё хватало. А ребята, вооружившись ломом и кувалдой, отправились заниматься гусеницей. Мы решили поддержать пехоту и били осколочно-фугасными. А я в который раз на собственной шкуре убеждался, что война – это не красивая кавалерийская атака, а тяжёлая изнурительная работа.

Командир вёл беглый огонь, а я еле успевал подавать снаряды.

– Давай, Жора, давай! – вошёл в азарт Саша.

А я чувствовал, как между лопаток течёт пот, и молил бога, чтобы парни быстрее починили гусеницу. Штатный боекомплект танка составлял двадцать пять бронебойных снарядов и семьдесят пять осколочно-фугасных, так что ещё стрелять да стрелять.

«Если Сашка не сбавит темпа, то я умру, так и не дожив до победы», – думал я, досылая в ствол очередной снаряд.

– Командир! – крикнул в открытый люк механика-води-

теля Серёга. – Валерку ранило!

– Жора, иди! – повернулся ко мне Кретов. – А я тут пока один.

Стрелок-радист лежал, привалившись спиной к пустому снарядному ящику. Из-под прижатых к животу ладоней, расплываясь по замызганному бушлату тёмным пятном, сочилась кровь.

– Как же ты так, Валера, – разрывая зубами упаковку от индивидуального пакета, спрашивал я. А в голове крутились слова Сергея о приметах. Вот ведь чёрт, накаркал всё-таки!

– Осколок, – виновато просипел радист.

Валера старался терпеть, но его глаза буквально кричали о переживаемой им боли.

– Терпи, брат, терпи, – приговаривал я, наматывая на рану виток за витком бинт из пакета.

– Жора, помоги! – крикнул Сергей.

Я растерянно посмотрел на Валеру.

– Помоги, – белыми словно мел губами прошептал тот. – Иначе все здесь ляжем.

– Я сейчас, я быстро. Ты потерпи.

Я схватился за лом и натянул гусеницу, а Серёга вставил палец.

– Готово! – крикнул он. – Дальше я сам.

– Ты как? – заглянул я в глаза раненого, вернувшись назад.

Ответом мне было молчание. Валера, прикусив губу, смотрел остановившимися глазами мимо меня.

– Чёрт! Я же говорил, – раздался у меня за плечом голос Сергея. – Давай его на броню.

В последний раз, на наших руках, взбирался стрелок-радист на броню своего танка. А я думал о превратностях военной судьбы. Оказывается, не всегда гибнет весь экипаж, бывает и так.

Глава 5.

БЕССМЕРТИЕ

Вот так закончился этот день Старого Нового года. Четырнадцать человек своей роты представил в этот вечер к наградам наш политрук. Весь наш экипаж за пять подбитых танков представили к «звездочкам»⁸. Валеру – посмертно.

– Отходим на отдых, – хмуро сообщил нам Кретов, после очередного сеанса связи с комбатом. – Нашли время отдыхать.

– Ты не прав, командир, отдых нужен, – укоризненно покачал головой Сергей. – Воевать надо в полную силу, а мы уже вымотались. Да и стрелка-радиста нового надо присмотреть.

– Кого пришлют, с тем и в бой пойдём. Дадут тебе время присматриваться, – поморщился Саша.

– Э-э, не скажите, товарищ политрук. Ведь мы нынче кто? – поднял вверх указательный палец механик. – Мы с вами герои-орденоносцы. Назовите хотя-бы ещё один экипаж из нашей славной Четырнадцатой бригады, который в одном

⁸ Орден «Красной Звезды».

бою уничтожил пять вражеских машин... Нет такого...

– Кончай болтать, механик, двигаемся в батальон, – махнул рукой Саша. – Там и Валеру помянем.

В батальоне нас встретили как героев, с богатым столом и боевыми сто граммами.

– Валеру помянем и спать, – отрезал Кретов, когда ребята просили его разрешить немного посидеть. – Я бойца своего не сберёг, что уж тут праздновать?

– Ну, ты это брось, замполит. Погиб парень, не один он, каждый день с фронта идут тысячи похоронок, всех не ужалеешь, – хмуро сказал ему комбат.

– Согласен, товарищ майор, но это был мой солдат.

– Ну и заноза же ты, политрук, – поморщился майор. – Приказываю, как политработнику приказываю, не распускать нюни, дабы не подавать дурной пример личному составу.

– Есть не подавать дурной пример, – приложил руку к шлемофону Саша.

– Война, политрук, это не только смерть, война это и жизнь. Ради жизни воюем, ради неё друзей своих теряем... О жизни, о живых больше думай. Такие думы силы нам прибавляют в борьбе с врагами.

В ночь перед «Крещением» прибежал посыльный от комбата.

– Товарищ политрук, вам треба сей момент явиться до товарищу майору, – кургузо приложил он скрюченную ладонь

к потёртой шапке.

– Иду! – поднялся с места Кретов и, обернувшись к экипажу, распорядился: – Жора, посмотри за этим педагогом, – кивнул в сторону механика.

Я невольно улыбнулся, вспомнив, как Сергей воспринял приход в экипаж нового стрелка-радиста.

– Давно в танковых войсках? – поинтересовался он невинно у молодого солдата.

– Та ни, я в аккураточку с радиокурсов, – радостно ответил боец.

– Товарищ ефрейтор.

– Щёс? – выпучил глаза стрелок.

– Добавлять следует, когда разговариваешь со старшим по званию, – терпеливо разъяснил механик.

– Щёс? – глаза паренька ещё больше округлились.

– Повторяю ещё раз, отвечая на вопрос старшего по званию, – голос механика оставался подозрительно ласковым, – боец должен говорить: «Я недавно с радиокурсов, товарищ ефрейтор».

– Так это ж... Я ж про то и говорю...

– Кого ж это, братцы, нам прислали? – Серёга стал немного нервничать.

– Я, Мыкола Голокопытов. В аккурато...

– Не-ет, Мыкола, – не дослушав парня, покачал головой механик-водитель. – Сейчас ты есть боец! Боец славной Рабоче-Крестьянской Красной армии – рядовой Голоногов.

– Тю вас, Копытовы мы. – В глазах парня сияла непорочная синь российских озёр.

– Чего?

– В смысле Голо...

– Чего «голо»?

– Голокопытовы мы, а не Голоногovy.

– Это без разницы! Запомни, рядовой, ты должен обращаться к старшему по званию только так, как того требует Устав. – Голос механика уже не был таким добрым.

– Так бы и казали, а то ни то, ни сё. – Губы парня раздвинулись в добродушной улыбке.

Слушая их разговор, я едва сдерживал смех.

– Слушай, боец, вот тебе первый приказ. – Лицо механика-водителя оставалось непроницаемым. – Бери ведро и иди разыщи комбата. Когда найдёшь, обратишься к нему по Уставу, попросишь, налить полное ведро кли-ренса⁹. Вещь дефицитная, потому выдаёт её лично комбат. Да смотри по дороге не расплеши. Повтори приказ.

– Принести ведро этого самого... – Парень сосредоточенно зашевелил губами, пытаясь вспомнить мудрёное название.

– Кли-ренс, – повторил нараспев механик. – Заучите наизусть, товарищ боец.

– Клиренс, клиренс, – боясь забыть чудное слово, повторял, гремя пустым ведром, Голокопытов, отправляясь на по-

⁹ Расстояние от днища танка до земли.

иски комбата.

Услышав, доносившиеся издалека нецензурные выражения, Серёга нырнул в люк. Но скрыться от гнева разъярённого комбата оказалось не просто.

– Где? – рыкнул он.

Я молча ткнул пальцем в направлении люка механика. Комбат подхватил стоявшую рядом с гусеницей кувалду и, размахнувшись, что есть мочи шарахнул ею по люку.

Бум-м! – разнёсся над поляной протяжный гул.

– Ой-ё! – Люк распахнулся, и показалась включенная голова механика.

– Клиренса тебе, говоришь? – Глаза майора бешено вращались. – А ну-ка, ефрейтор, отмени свой приказ.

– Дак, товарищ майор...

– Что товарищ майор! Ваш стрелок-радист, по-видимому, считает, что ефрейтор самый главный в армии человек. Подступил с ножом к горлу: – «Товарищ ефрейтор приказал, товарищ ефрейтор приказал», – передразнил майор Голокопытова.

– Вот видите, товарищ майор, какого бойца в наш орденосный экипаж определили. Он даже не знает, что такое клиренс.

– Трое суток ареста! Отсидишь, когда наступление закончится. И чтоб я про клиренс больше не слышал. И ещё, товарищ ефрейтор, назначаю тебя ответственным за обучение нового члена вашего танкового экипажа. Приказ понятен? –

Комбат шагнул было к механику, но тут заметил, что продолжает сжимать в руках кувалду. Сопроводив плевком, швырнул её в снег, и зашагал прочь.

– Ну ты, Мыкола, даёшь, – присвистнул Серёга, почёсывая лоб. – Ни разу я комбата таким не видел.

Я уже в открытую хохотал.

– Что, выпросил?

– Не было печали, купила баба поросё, – грустно посмотрел вслед майору орденосеца.

– С чего начнёшь обучение? – поинтересовался я.

– С чего, с чего, с клиренса! – рявкнул механик и повернулся к стрелку. – Клиренс – это просвет между днищем танка и нижней гусеницей, ферштейн?

– А як же его ведром-то? – Недоумению Миколы не было предела.

– Кто ж тебя на курсы радистов взял? Я очень желаю знать: жив ли ещё тот человек, который тебя обучал?

– Был жив, товарищ ефрейтор.

– И он не застрелился? Не повесился? Не свёл счёты с жизнью каким-либо другим способом? – продолжал допрос Серёга.

– Ни, он совсем старый, сам скоро помрёт, – замахал руками стрелок-радист.

– Не понял! Погоди, в какой радиошколе ты учился?

– В школе ОСВОДА.

– Так не в армии, что ли?

– Ни, товарищ ефрейтор.

– Боже! За какие грехи мои? – схватился за голову Сергей.

С того дня рядовой боец Голокопытов Мыкола следовал за механиком-водителем словно тень и ловил каждое его слово.

Ранним утром мы выдвинулись под село Машнино, Вновь мы на острие атаки. Я уже понял, что с Александром Крето-вым по-другому быть и не может. Я такой же рискованный, как и он, но нас отличает то обстоятельство, что в глубине души я надеюсь на покровительство высших сил, забрасывающих меня в ту или иную эпоху. Почему-то я уверен, что моё присутствие им для чего-то необходимо. Я почти что уверовал в своё бессмертие... А какая вера толкает на безрассудство Александра?

Бой длится больше двух часов. На околице села дымится уничтоженный нами танк. Атака нашей пехоты захлебнулась. Мы прячемся за колхозным амбаром. Командир решил до поры до времени себя не обнаруживать.

– Рядовой Мыкола, а стрелять ты насобачился тоже в ОСВОДе? – удивлённый меткостью новенького, спрашивает Сергей.

– Да из охотников мы. А што ружо, што скорострелка, то разница небольшая. Главное, приноровиться как следоват, – рассудительно поясняет парень.

Признаться я тоже удивлён. С виду валенок валенком, а вот поди ж ты. Не зря говорят – «встречают по одежке, про-

вожают по уму». А паренёк выделывал виртуозные штучки. Короткими экономными пулемётными очередями он буквально выковыривал фрицев из их убежищ.

– Ты нос-то не задирай, мне ещё предстоит из тебя настоящего солдата сделать. Личная просьба комбата! – Важно заметил Серёга.

Я усмехнулся, вспомнив, как майор с кувалдой «уговаривал» Сергея.

– Жора, раз ты у нас прославленный разведчик, тебе и карты в руки, – посмотрел на меня командир, – сидим здесь, как мыши.

– Есть! – Прихватив «пэпэша», я вывалился из люка.

Амбар прикрывал нас от немецких позиций, но это не значит, что фрицы забыли о нашем существовании. Маскируясь на местности, я небольшими перебежками добрался до амбара. Секунду отдышался и попробовал выглянуть из-за угла... Едва успел подставить приклад под летящий в мою голову широкий штык немецкой винтовки. «Вовремя командир на разведку отправил, – успел подумать я. – Подкрались бы, сволочи, и забросали гранатами». А дальше я действовал как и всегда в подобных случаях – доверился своему телу и интуиции. Штык вонзился в приклад, а моя нога в ту часть тела, которую в любой драке мужики оберегают пуще всего. Немец выпучил глаза и, выпустив из рук винтовку, схватился руками за то самое место. Кованый приклад моего автомата смачно хрястнул по его челюсти, оборвав готовые вырвать-

ся наружу немецкие маты. Я перестарался, и уже повреждённый штыком приклад не выдержал и раскололся. А немец-то был не один. И прежде чем остальные успели обрадоваться, я подхватил винтовку и, крутанув её в воздухе, выстрелил в спешащего навстречу своей судьбе унтера.

«Ой-ой-ой! – проснулся внутренний голос. – А теперь делаем ноги!» Он не шутил, ноги делать действительно было надо. То, что я увидел за двумя павшими немцами, меня не обрадовало. Около взвода немецких ребят жаждали моей молодой крови. Мне захотелось напомнить им о классовой ненависти и о том, что пролетарий пролетарию друг и брат. Какой бы национальности он не был. Но судя по решительной злобе в сверкающих из-под касок глазах, мои мысли были по меньшей мере неуместны. Поэтому я состроил зверскую рожу и, закричав что есть мочи: «Суки, вот вам, а не Россия!», выпустил из трофейного оружия весь магазин, вернее, те пять патронов, которые там остались.

Благо в руки мне попала самозарядная винтовка Вальтер G-41. Винтовочка так себе, можно сказать, дерьмо, но зато десятизарядная, и затвор передёргивать не надо. А затем, воспользовавшись лёгким замешательством в рядах неприятеля, я рванул к танку.

– Немцы! – закричал я на бегу, а затем плюхнулся в первую попавшуюся на пути воронку.

Почувяв во мне законную добычу, фашисты, забыв об осторожности, дружно выбежали из-за угла и попали под при-

цельный огонь Миколиного пулемёта. Причём он, стервец, дождался, когда они выскочат все, и длинной очередью укоротил срок их пребывания на грешной земле.

Я выбрался из воронки и, показав своим, что пошёл продолжать разведку, произвёл вторую попытку.

– Метров за пятьсот отсюда в избе спрятался танк, чуть дальше – противотанковая батарея. Пехота залегла, ведёт перестрелку – доложил я, вернувшись назад.

– Ну что, мужики, подмогнём своим? – задорно спросил Кретов, и сам же за всех ответил: – А чего ж не помочь, поможем. Механик, что там с топливом?

– Порядок!

– Боезапас?

– Хватит, – доложил я.

– Для пулемёта хватит, – подхватил Голокопытов.

– Ну, тогда к бою!

Вы, наверное, устали читать про бои и смерть, но так уж случилось, что попал я в самое что ни на есть пекло Второй мировой войны. Пытаюсь как можно правдивее рассказать о событиях тех трагических дней, не со стороны генерала или полководца, а со стороны солдата русской армии. Это на его плечи легли все тяготы и лишения военного лихолетья. Это он, теряя друзей, поднимался в штыковую атаку. Это ему благодарные потомки зажгут вечный огонь в сердце России, у стен древнего Кремля.

– Бронебойный!

– Есть!

– Короткая!

– Есть!

Команды, за восемнадцать дней, что я нахожусь здесь, стали привычны до такой степени, что воспринимаются как сама жизнь. Между нами и вышедшим на прямую наводку Т-3 идёт настоящая дуэль. Немцы тоже ребята не слабого десятка и труса не празднуют. Их механик под стать Серёге, предугадывает каждое наше движение. У политрука от напряжения на лбу выступил пот. Я сам то и дело смахиваю обильно выступающую испарину. Вспотеешь тут! Малейший просчёт командира или механика-водителя приведёт к трагическому финалу.

С каждой минутой «игра» становится всё напряжённей. Кажется, вся передовая замерла, наблюдая за нашим поединком. Мы сблизились на расстояние ста метров. Стало понятно, что наступает развязка. Немец выстрелил раньше. Но в самый последний момент рука наводчика дрогнула, и снаряд, с ужасным скрежетом отрекошетив от башни, ушёл в сторону. Мы затаили дыхание. Саша решил до конца подавить немцев нашим превосходством и не стал командовать остановку, а врезал с гусениц.

В этот самый момент машина немного «клюнула» на одной из выбоин, и выстрел пришёлся в левую гусеницу немецкого танка. Передний каток вместе с гусеницей сорвало напроц, а сам танк развернуло поперёк движения. Испугав-

шись, что мы влепим им в борт второй снаряд, немцы в спешке покинули машину. Саша скомандовал:

– Николай, огонь!

Парень не растерялся. Немецкие танкисты попытались укрыться за бронёй своего танка, но Серёга вырулил вплотную к подбитой машине. Немцы бросились прочь и очередью в упор были распластаны на грязном снегу.

– Что, сволочи, хороша русская земляца? – выплюнул с ненавистью замполит.

И тут проснулась молчавшая до сих пор противотанковая батарея.

– Недолёт! – прокомментировал первый выстрел механик.

– Осколочно-фугасный!

– Есть!

Грохнул выстрел, танк дёрнулся, а немецкую пушку подбросило на воздух. Серёга тут же переместил танк в сторону. Взметнулась поднятая взрывом земля.

– Повтори!

Я быстро сунул в казённик второй снаряд. И расчёт второй пушки разделил участь первой.

– А ну-ка подъезжай! – приказал Кретов. А сам быстро открыл люк и выскочил наружу. Никто ничего не успел понять. А Саша уже разматывал трос и тащил его к поверженному немецкому танку.

– Ну, командир даёт! – восхитился механик-водитель и, газанув, подъехал ближе.

– Помогу! – Я выбрался из танка.

– Берём гада в плен! – не обращая внимания на свистящие вокруг пули, задорно закричал Саша. Он поймал кураж, и ему было всё нипочём.

– Командир, давай в танк! – крикнул я. – Не дай бог подстрелят.

– Да ни за что! – Чёрное от копоти лицо выражало высшую степень удовлетворения. – Мы ещё на могиле Гитлера спляшем!

Сашка поставил ногу на гусеницу. И уже напряг руки, чтобы взобраться на броню, но вдруг его ноги подкосились, и он сполз на грязный снег прямо под гусеницы своего стального друга.

– Не успел, – прошептали его губы, выбулькивая изо рта кровь. – Прости меня, мама...

– Командир, ты чего? – Я заглянул в его угасающие глаза и увидел, что они уже глядят не на меня. Глаза моего командира и фронтового друга смотрели в вечность.

Едва сдерживая слёзы, я подхватил политрука и, откуда только взялись силы, забросил на броню.

– Серёга! Давай к своим! – яростно крикнул я.

Я уже знал, что Саше ничего не поможет, и, сидя на трясущейся броне, всё пытался поправить то и дело сваливающийся с его головы шлемофон. Рядом грохнул взрыв.

«В спину, гады, бьют», – подумал я, наваливаясь на политрука. И потерял сознание...

Очнулся в госпитале. Узнал, что похоронили Кретьова в селе Гридасово. Посмертно представили к званию Героя Советского Союза. Раньше я думал, зачем человеку посмертная награда, ведь ему-то уже всё равно? А теперь понимаю, что посмертное звание – это шаг в бессмертие. Это память о герое для продолжающих жить.

Глава 6.

ЗЕМЛЯКИ

– Ранбольной, вернитесь! – звонкий девичий голос вырвал меня из объятий сна.

Вчера из полевого госпиталя меня перевезли в госпиталь города Мичуринска. Рана оказалась серьёзной, и, несмотря на все мои уговоры, рядом с передовой держать меня не стали и отправили хоть и не в глубокий, но всё же тыл. Осколок немецкого снаряда попал под лопатку, и рана почему-то не заживала. То и дело расходился шов.

– Будете тревожить рану, закую в гипс, – припугнул военврач. – Тогда на передовую попадёте только к китайской пасхе.

Всё это время я вспоминал ставший мне родным экипаж и геройского парня Кретова Сашку.

«А ведь доживи он до конца войны, то на его груди не было бы лишнего места для наград», – думал я. Но такого никогда бы не случилось. Такие отважные люди погибают первыми. Они не от мира сего, их в самую пору причислить к лику святых. Более всего душу Саши Кретова жгла вина перед матерью. Воюй он на другом участке фронта, может быть, всё происходящее воспринималось им не так остро?

– Ранбольной, вы почему не выпили пилюли? – Строгий женский голос отвлёк меня от размышлений. И таким до-

машиним теплом повеяло от слова «пилюли», что я расцвёл как мальчишка.

– Интересно, что такого смешного я сказала? – строго поджала губы молоденькая медсестра.

– Извини, сестричка, это я жизни радуюсь.

– Вы должны лечиться, больной. – Голос девушки стал чуть мягче.

– Давайте ваши пилюли, – улыбнулся я одной из самых обольстительных своих улыбок. – Что вы делаете сегодня вечером?

– Уколы, – прыснула в кулачок девушка.

– Можно я тоже буду в числе тех избранных? Если вы дадите своё согласие, я даже согласен на два...

Девушка вновь сделала неприступное лицо и величественно повернулась к моему соседу.

– Паша, ты как? – спросила она его.

– Лежу, Танечка, – тоскливо ответил парень.

– Я слышала, что тебя будут отправлять в тыловой госпиталь в Саратов, – понизив голос, произнесла она.

Парень лишь тягостно вздохнул. Было видно, что лежит он долго и ему это порядком осточертело.

– Откуда ты, земляк? – спросил он меня, когда медсестра ушла.

– Из-под Курска.

– Да нет, родом, говорю, откуда?

– Издалека я, с Дальнего Востока, – вздохнул я, вспом-

нив стройку и ребят из комсомольско-строительного отряда «Комсомолец Приамурья».

– Да ну! – оживился парень. – Не может быть!

– Ну почему же? – Я глянул на бойца. – Бывает ещё и не такое.

– Ведь я тоже оттуда! – произнёс он. – Полгода воюю, и впервые встретил земляка, надо же! А откуда с Дальнего Востока?

– Из Комсомольска-на-Амуре, – произнёс я осторожно. – А ты откуда?

– Из Жеребцово. Это ниже на сто с небольшим километров по Амуру от Комсомольска. – Он протянул мне левую руку: – Лоскутников Паша.

– Близнюк Георгий, – пожав руку, сказал я.

«Лоскутников? Знакомая фамилия... – Я напряг память. – Вспомнил! Тысяча девятьсот двадцатый год, наступление с армией Тряпицына. Амурское село Жеребцово. Народный умелец Лоскутников Фёдор. Его знаменитая деревянная пушка, которая своим единственным выстрелом нагнала страху на казаков станицы Кисилёвской».

– А как по батюшке? – поинтересовался я.

– Да ну, зови просто Пашкой, – улыбнулся земляк.

– Да нет, просто интересно.

– Павел Фёдорович.

«Ну конечно, в этом мире до того всё переплелось, что уже удивляться перестаёшь, – усмехнулся я про себя. – А вообще

в России нет ни одного поколения, которому бы не пришлось повоевать. Неужели эта трагическая цепь так никогда и не прервётся?»

На войне и вообще в армии землячество – одно из самых святых традиций. Встретившиеся земляки становятся почти что братьями.

– Что с рукой? – спросил я, заметив, как Паша поморщился, потревожив правую руку.

– Да зацепило так, что совершенно не работает. Боюсь, как бы не комиссовали, – ответил парень со злостью.

– Да ладно тебе, домой поедешь, – хотел подбодрить его я.

– А ты сам? – посмотрел мне в глаза Павел.

– Что я сам?

– Ты сам хотел бы поехать домой, когда фашист прёт без остановки?

– Ну, – замаялся я. – У меня ранение не такое, что же тут поделаешь?

– Нет, Жора, я сделаю всё возможное и невозможное, но на фронт вернусь. Я ведь только и делал, что с июня месяца драпал от фашиста. Теперь хочу посмотреть, как он драпать будет! И не просто посмотреть, а помочь ему своей шашкой и штыком быстрее бежать.

– Будет, Паша, так, как захочешь, – попытался успокоить я его, вспомнив подвиг нашего земляка, первостроителя Комсомольска-на-Амуре, лётчика Алексея Маресьева. Но, естественно, Павлу рассказывать о его мужестве не стал. Пока

ещё Алексей не совершил тот боевой вылет, после которого его узнает вся страна.

– И как меня так угораздило, во время такого наступления! Верись, нет, полгода в самом пекле, что страшно вспомнить, а тут – шальной снаряд. И на тебе!

– Слышал, что тебя в госпиталь отправлять собираются в Саратов? – спросил я.

– Сколько отбрыкивался, но, видно, придётся, – скривился Павел.

– Слушай, – загорелся я. – А как тогда, в самом начале было. Расскажи мне обо всём. Как ты на фронт попал и как воевал эти полгода?

– Если честно, Жора, и вспоминать не хочется. Обидно и даже стыдно. – Паша прикрыл глаза и замолчал.

– Послушай, – произнёс я, – мы с тобой солдаты, и мало ли чего случится. Война... – я сделал паузу, чтоб не сболтнуть лишнего, и осторожно продолжил. – По всей вероятности, будет долгой. Тот, кто останется жив, должен рассказать родным, как мы тут их от врага защищали.

И Паша согласился. Три долгих вечера я слушал его рассказы, а на четвёртый день его отправили в тыл. Но эти три дня остались в моей памяти на всю жизнь.

– Службу в Красной армии начал я в октябре сорокового года. Наш триста сорок первый стрелковый полк имени Фрунзе был расквартирован в Имане¹⁰, – начал свой рассказ

¹⁰ Ныне, Дальнереченск.

Лоскутников. – Я с детства имел пристрастие к лошадям, и мне повезло, попал я служить в конную разведку. Сержанты у нас были звери, и уже через три месяца нас было не узнать. Сам ведь знаешь, что такое разведка – это не только форс, но и бесконечные тренировки, и марш-броски. Короче, к весне сорок первого я был уже младшим сержантом и настоящим разведчиком.

И вот наша часть получает приказ выдвигаться к западной границе. Четырнадцатого апреля сорок первого года нас загрузили в эшелоны и отправили на Украину. Пятого мая мы прибыли в город Черкассы-на-Днепре.

3 Жернова времени

65

О приближающейся войне никто не говорил, вернее, говорить о ней было нельзя. Но её дыхание чувствовалось во всём. Мы попали на переформирование, и я стал разведчиком двести шестьдесят четвёртого отдельного конного разведывательного батальона 'сто девяностой стрелковой дивизии. Здесь нам выдали шашки и карабины. Лошадей получили в соседнем совхозе.

Командиры усиленно соблюдали секретность. Нам пытались внушить, что грядут большие общевойсковые учения, но в то же время выдали смертные медальоны, приказали записать на листочках свои данные и вложить их внутрь. А через несколько дней ночью наш батальон подняли по тревоге, погрузили в вагоны и отправили в неизвестность. Теперь во-

инский состав двигался только по ночам, а днём отстаивался в тупиках и на глухих разъездах. Покидать вагоны и шастать по путям категорически запрещалось. Мы не могли выгулять даже лошадей.

И вот наконец-то мы прибыли на станцию Рова- Русская. Было это в ночь с двадцать первого на двадцать второе июня. Мы выгрузились и в конном строю форсированным маршем направились к границе с Польшей.

На рассвете батальон подошёл к пограничной заставе, но больше ничего не успел. С запада слышался гул двигателей и показались немецкие бомбардировщики. Так для меня и двести шестьдесят четвёртого батальона началась война.

– Но получается, что не всё правда, что говорят о начале войны? – перебил я Лоскутникова.

– Ты о чём? – спросил меня он.

– Говорят, что немцы напали неожиданно, войска были на учениях и в лагерях. Но ведь ваш батальон неспроста гнали на границу? Получается, что нападения всё-таки ждали?

– Знаешь, Жорка, я не силён в штабных играх, но шли мы вооружёнными и с боеприпасом, – задумчиво произнёс Пашка. – Выходит, что готовились.

– Спали бы уже, полуношники, – заскрипела соседняя кровать.

– На том свете отоспимся, – отмахнулся я.

– Типун тебе на язык, накаркаешь, – проскрипел недовольный голос.

– А мы, дядька, в приметы не верим, комсомольцы мы, – поддержал меня Пашка и продолжил: – За полгода мой полк три раза попадал на переформирование. Бывало такое, что в строю оставалось четыре человека, а я, видишь, живой.

– Вижу, какой ты живой, – раздалось из темноты, – совсем пацан ещё, а уже инвалид.

– Что-о? – вскинулся разведчик.

– Паша, успокойся! – придержал я земляка. – Ну его. Увидишь, попадём мы ещё с тобой на фронт и немца погоним. Помяни моё слово,

– Да ладно, – махнул рукой Пашка, – его тоже понять можно. Мужик из ополчения. Дома пятеро детей, мал мала меньше, а ему ногу и руку оттяпали. Вот и брызжет ядом. Когда мы начинали отступать, солдаты сплошь из призывных срочной службы были, а к зиме уже много запасных появилось.

– Поднимается Россия, – произнёс я задумчиво.

– Свернём гаду шею, – твёрдо сказал Лоскутников.

– Ну что, удовлетворим просьбу трудящихся, будем спать? – посмотрел я на Павла.

– Слушай его больше, – отмахнулся разведчик, – я за полтора месяца так отоспался, что тошнит уже. Послушай лучше, что было дальше.

Сначала мы ничего не поняли, головы позадирали и смотрим, рты раззявив. А немец давай бомбами сыпать. Мы кто куда, лошадей, естественно, отпустили. Лежу я на спине, и гляжу, как на меня их кресты пикируют. А сам не заме-

чаю, что произвольно руками из-под себя землю выгребая. Вой, взрывы, лошади мечутся. Первые раненные закричали. А я всё на небо смотрю, страшно. Вот тогда-то я и поклялся за страх свой и унижения отомстить. После бомбёжки некоторые с мокрыми штанами ходили. Вот что страх с человеком делает.

Когда налёт кончился, смотрю, я под собой яму вырыл. Может, поэтому меня немецкие осколки не тронули? А раненных и убитых у нас было достаточно. Что интересно, но после налёта весь день прошёл спокойно. Немцы нас атаковать не спешили.

В ночь на двадцать третье меня послали в дозор старшим наряда. Был со мной хохол один и литовец. Задача стояла узнать, что готовит нам фашист. Но до немцев мы не дошли. Выскакивает к нам навстречу немецкий солдат. Увидел нас и кричит:

– Рабочий, друг, не стреляйте!

Мы его в штаб. А немец говорит, что завтра они попрут. Я к тому времени был уже замкомвзвода. Мы заняли окопы, сидим, ждём. После обеда налетели самолёты, отбомбились и улетели. Затем давала жизни немецкая артиллерия. И вот я впервые увидел атаку немецкой пехоты. Шли, сволочи, как в фильме «Чапаев». Ощетинившиеся штыками цепи солдат подгоняли щеголеватые офицеры. Сигаретки в их зубах выглядели особенно неуместно и выводили из себя.

Хочу сказать, что такую атаку я видел в первый и послед-

ний раз. После нашей контратаки фрицы бежали так, что пыль столбом стояла. Тогда я лично убедился в силе русского штыка. Больше так нагло немцы в атаки не ходили.

Нет ничего страшнее, чем рукопашная схватка. Там ты с врагом лицом к лицу. А он тоже человек, и его жалко. Но когда видишь, что он целит штыком тебе в живот, жалость пропадает и появляется злость. Уворачиваешься от штыка и бьёшь его прикладом так, что челюсть вминается в глаза. А тут уже летит следующий. Принимаешь его на штык и краем глаза видишь, что твоему товарищу целит в спину здоровенный немец. Понимаешь, что сейчас произойдёт, а помочь ничем не можешь, сам схватился с очередной сволочью. Говорят, что того, кто выжил в двух штыковых атаках, можно смело представлять на «Героя».

Переживая прошлое, Павел замолчал. Томительно тянулась минута, а я в очередной раз подумал о том, что наши деды были гораздо твёрже духом, чем мы. И теперь я смотрел на лежащего на соседней кровати человека с уважением солдата к солдату. Но солдата более молодого к более старшему. Хотя в тот момент я был немного старше его возрастом.

– Понимаешь, Жора, – продолжил Павел, – я много раз прокручивал в голове все детали схваток. Почему именно я оставался в живых? Ведь были ребята и ловчее, и сильнее меня физически. Но они гибли, а я оставался живым. Что это? Удача, везение?

– У меня командира танка представили к «Герою», – за-

думчиво ответил я, – посмертно. Воевал смело, ничего не боялся. В одном бою наш экипаж подбил пять танков. А вот погиб Сашка от шальной пули.

И тут до меня дошло.

– Ты, Паша, мог его знать! Он учителем истории в нижегородской школе работал. Кретов Александр.

– Кретов? Конечно знаю, – взволнованно ответил Павел. – Выходит, погиб наш Саша. Надо же, Герой.

Мы замолчали, вспоминая каждый своё и отдавая последнюю молчаливую дань земляку.

– Что дальше-то было? – попросил я Павла продолжить рассказ.

– Понимаешь, что самое смешное, – произнёс зло тот. – Мы воюем, наши ребята гибнут. А только мы погнались эту сволочь до границы, как нам приказ: «границу не переходить, возможно, это провокация». Какая к чертям провокация, неужели мы такие дубы и не видим, что творится? И мы назад в свои окопы. Только двадцать пятого июня нам объявили, что это война.

Двадцать шестого июня меня отправили в штаб сто девяностой дивизии с донесением. На всякий случай комбат майор Рябышев приказал донесение зачитать, и уничтожить. В донесении говорилось, что у нас много раненых. Требуются санитарные повозки, боеприпасы, продовольствие и горючее.

Прибыл я в штаб, а там тишина. Ни людей, ни часовых.

Всё брошено на произвол судьбы. А в печатной машинке торчит недописанный приказ.

«Обязать старшин подразделений сдавать на склад стреляные гильзы», – прочёл я одну строчку и сплюнул на землю. Какие гильзы, тут бойцов погибших хоронить не успеваем.

Вернулся я в батальон, доложил обо всём комбату. Тот не поверил, и сам поскакал в штаб. Вернулся смурной и говорит:

– Мы в окружении, всем готовиться к отходу. То имущество, что не сможем взять с собой, – уничтожить!

Двадцать шестого июня перед обедом семь тысяч бойцов начали отступление. Майор Рябышев взял на себя командование сводной частью, состоявшей из солдат сто девятиной и сорок первой дивизий сорок девятого корпуса шестой армии.

– Интересно, а где в это время были генералы? – усмехнулся я. – Семь тысяч соединение приличное.

– Не знаю, где были генералы, но когда дошло до дела, то командовали отступающими полками даже лейтенанты. Сам видел, – ответил Лоскутников.

А у меня в голове понемногу складывалась картина всеобщей неразберихи начала войны. Тем более что рассказывал обычный солдат, который собственными ножками, с боями, протопал от границы до Старого Оскола. Как всегда в годину смуты и горя за Родину вставали обычные, не обласканные властью и жизнью люди. Это они становились надёжным

живым щитом между врагом и отечеством.

– Отступали мы с боями, – донёсся до меня голос Павла. – И теперь уж так получилось, что мы висели на хвосте у фашистов. Часто схватывались в рукопашной. Да и немец был уже без былого форсу, воевал с опаской. С командиром нам здорово повезло, умел майор воевать. Разведка постоянно находилась в поиске. Поэтому и выбирали пути, где немцев было меньше всего.

Мы без особых потерь перешли шоссе Варшава— Киев, «железку» и вышли в район Теофиполя. Увлёкшись разведкой в восточном направлении, мы упустили ставшее для нас тылом западное направление. В начале июля разведка доложила, что с запада по нашим следам идёт большое соединение фрицев.

– К бою! – последовала команда.

Мы заняли оборону и стали ждать. И вот на поле перед нашими позициями выползают немецкие танки и, ведя шквальный огонь, устремляются на нас. При виде такого количества бронетехники становится страшно. Рядом со мной лежал молодой ещё парнишка родом из-под Гомеля. Комсорг батальона. Веришь, нет, он «Отче наш» на зубок несколько раз прочёл.

– Выходит, есть Бог-то, раз мы его в самые трудные моменты своей жизни вспоминаем? – произнёс я.

– Я тоже комсомолец, – ответил из полумрака Павел, – а ведь, чего греха таить, молился всем угодникам и мать вспо-

минал. У матери мы тоже помощи просим, как у последней инстанции.

– Перед смертью человек словно голый, – поддержал я парня, – с него вся шелуха слетает.

Наступила неловкая тишина. Мужчине нелегко признаваться в слабости, но признание своей слабости делает нас сильнее.

– Помогла комсоргу молитва? – прервал я затянувшуюся паузу.

– Она нам всем помогла. Когда бой был в самом разгаре и до немцев оставалось метров восемьсот, начало твориться непонятное. Над нашими головами, в сторону фашистов, оставляя за собой огненные шлейфы, полетели странные снаряды. Мы от удивления просто онемели. А у немцев творился настоящий ад. Горела даже земля.

Когда всё закончилось, нам даже не пришлось идти в контратаку. Перед нами было обугленное поле, усеянное сожжённой техникой и трупами вражеских солдат. Страшное дело.

– Небось, «катюши» поработали? – усмехнулся я.

– Тогда я об этом ещё не знал. А когда мы двинулись дальше, то километров через пять увидел я это чудо. Гвардейские миномёты называется. Командир дивизиона, пожилой капитан с перевязанной головой, доложил нашему майору, что в машинах нет топлива и последние снаряды были истрачены на поддержку нашего соединения.

– Дорогой ты мой человек! – расцеловал капитана майор. – Да если бы не вы... Эх! – махнул он рукой.

– Мы бы хотели присоединиться к вам, – слегка поморщился гвардейский капитан, – помогите с топливом.

– Нет топлива, – виновато пожал плечами наш командир.

– Тогда я обязан уничтожить установки. Хочу, чтобы вы были свидетелями, что иного выхода у меня нет, – вытянулся капитан.

– Всё так серьёзно? – спросил майор.

– Техника сверхсекретная и в случае опасности подлежит уничтожению.

– Ну что ж, уничтожай.

А нас к «катюшам» так и не подпустили. Но оружие, я тебе скажу, сила! С таким воевать можно. Жаль, что те пришлось взорвать, мы бы с ними...

Рассказ Лоскутникова был прерван появившейся медсестрой Танечкой.

– А вы, полуночники, почему не спите? – строгим шёпотом произнесла она. – Немедленно спать! Дождётесь у меня, что я товарищу Лыкову пожелаю.

– Какая же вы, Танечка, красивая, когда сердитесь, – подкинул леща Паша. – Смотрел бы и смотрел на вас.

– Не подлизывайтесь, ранбольной. – Таня подоткнула спавшее с Пашки одеяло и, погрозив пальчиком, вышла из палаты.

– Эх! – вздохнул парень, провожая её взглядом.

– Спать?

– Спать! А то военврач здесь зверь.

И скрипнув на прощание кроватными пружинами, мы замолчали, думая каждый о своём.

Глава 7.

ЛЕТО СОРОК ПЕРВОГО НА ЮГО-ЗАПАДНОМ

Мою руку и плечо всё-таки закатали в гипс. На следующее утро военврач второго ранга Лыков посмотрел на меня, покачал головой и приказал:

– Этому герою гипс, а то он у нас до майских праздников отдыхать будет.

И вот мы с Лоскутниковым Пашкой стали оба леворуками. Павел как местный сторожил был в авторитете. Ещё больше авторитета придавало ему то, что попал он в госпиталь в начале января в самый разгар контрнаступления под Москвой, уже имел две медали «За отвагу». Самая крутая солдатская награда того времени. Не надо говорить, каково было в сорок первом году, во время всеобщего отступления, бардака и неразберихи заработать такую награду. Наградами в ту пору не баловали. Это было то же самое, что получить звезду Героя во второй половине войны.

После обеда в госпиталь приехал командир нашей бригады, чтобы лично вручить Орден Красной Звезды и запоздавшую егозинскую «Отвагу».

– Выздоровливай, Близнюк, ждём тебя в бригаде, – пожал он мне левую руку и тихонько сунул под одеяло флягу спир-

та.

После него пожаловали Серёга с Мыколой. На танкистских комбезах сияли такие же, как у меня, ордена. Николай, словно не веря в происходящее, то и дело косил глазом на орден и застенчиво улыбался.

– А вы какими судьбами? – удивился я.

– Да мы тут неподалёку, на переформировании, – во весь рот улыбался механик. – Командира нам дали, а вот от заряжающего пока отказываемся, ждём тебя. Так что давай тут не залёживайся.

– Как новый командир?

– Молодой, совсем пацан после училища. Кретову он не замена.

– Научится.

Мы помолчали.

– Эх, – вздохнул Сергей. – Кружки-то у тебя хоть есть? Сашку, командира нашего, помянем. Да и ордена обмыть полагается.

Я пожал плечами и скосил глаза на Павла.

– Обход закончился. Я сейчас Танюшку позову, – сел он на кровати.

– А она?...

– Всё в порядке.

Уж не знаю, что он там ей говорил и почему он вообще ей это мог говорить? Но через несколько минут пришла медсестра Татьяна и, выражая степень крайнего недовольствия,

поставила на тумбочку три медицинские мензурки.

– Только недолго, – строго посмотрела она на танкистов. – Это у нас категорически запрещено.

– Давай с нами, сестричка. – Серёга ловким движением фокусника извлёк из-под комбинезона бутылку французского коньяка. – Помянем нашего командира Героя Советского Союза Кретова Сашу.

Готовые было сорваться слова отказа при последних словах Сергея так и остались на губах. Девушка стала серьёзной и взяла протянутую ей мензурку с коньяком.

– Из старых запасов, – пояснил Серёга и, встрепенувшись, посмотрел на радиста: – Э, боец, а где сыр, колбаса, шоколад?

Выпили не чокаясь. Помолчали и налили по второй.

– Хороший был человек, пусть ему земля будет пухом, – сказал я.

– Ой, мальчики, я побегу, – всплеснула руками зарумянившаяся девушка. – Смотрите у меня здесь, – погрозила она пальчиком и упорхнула.

– Да-а, хорошо вам здесь, – протянул Серёга, провожая девушку взглядом. – И тепло, и всякие прочие интересные. А у нас сплошь тоска да нервы. Мыколу воинскому делу обучать знаешь сколько нервов надо?

– Товарищ младший сержант, – обиженно протянул солдат.

– Да, да, – перехватив мой взгляд, произнёс механик-во-

датель. – Родина оценила мой вклад в обучение молодых солдат и присвоила звание младшего командира.

– Она же, перед последним боем тебя на губу обещала посадить, – засмеялся я.

– У вас устаревшие сведения, товарищ старшина. Мы с товарищем комбатом по вопросам воспитания в сей момент стоим на одной платформе. – Новоиспечённый педагог строго посмотрел на Мыколу.

Мы ещё раз помянули политрука. В дверях палаты появилась Танечка.

– Товарищи военные, которые посетители, – строго произнесла она. – Время свидания закончено. Ранболъ-ным необходимо принимать процедуры.

– Держи, – произнёс Серёга, и две бутылки коньяка перекочевали к тоскующей под матрацем фляжке со спиртом. Рядом с тумбочкой примостился вещмешок с трофейной снедью.

– А это вам, товарищ Татьяна, – и в ладонь санинструктора легла толстая плитка шоколада, – знайте, что танкисты народ зажиточный. У них всегда найдётся, чем угостить хороших людей, – многозначительно посмотрел Сергей в глаза девушки. – Если надумаете выходить замуж, то жениха ищите среди нашего брата, танкистов.

– Ну и гусь ваш механик-водитель, – усмехнулся Павел.

– Есть немного, но товарищ надёжный.

К вечеру, когда палатный люд угомонился и наступившую

тишину прерывали лишь стоны раненых и выкрики идущих в атаку даже во сне людей, Павел продолжил свой рассказ. Мне действительно было интересно услышать из первых уст участника этих событий правду о начале войны.

– Мы продолжали отступать. Но теперь присутствовала хотя бы видимость того, что мы регулярное подразделение Красной армии. Нас стали сносно кормить. – Рассказ Лоскутникова стал живее и красочней. Так бывает всегда после принятой дозы горячительного.

Под Староконстантиново меня, во главе разведгруппы из пятнадцати человек, отправили прояснить обстановку. Чтобы шире захватить сектор разведки, мы разделились на несколько групп. Но наши группы попали под массированный налёт авиации и рассеялись.

Утро следующего дня было для меня совсем не радостным – я остался один. Вернее, вдвоём со своей лошадью. И тут, откуда ни возьмись, появился немецкий ас-одиночка. Чем я ему приглянулся, не знаю. Но эта сволочь стала гонять меня по степи, пробуя на мне своё мастерство. После одной из атак моя лошадь, перекувыркнувшись через голову, распласталась в траве. Я вылетел из седла, но подхватился и, пока немец не вернулся, подбежал к ней. Нет, она не просто споткнулась, она была убита наповал. А фашист всё не мог угомониться.

– Что, патронов много? – кричал я в отчаянии. Укрывшись за трупом лошади, стрелял по самолёту из карабина.

Сначала я психовал и вёл беспорядочную стрельбу, но затем взял себя в руки и вспомнил родной Амур. Вспомнил, как осенью ходил на утиную охоту. Я смотрел на размалеванное брюхо надвигающейся на меня смерти и сказал себе, что это не «мессер», а обычная дичь. Моя дичь, и её место в моём охотничьем мешке. Мне казалось, что между бегущими к земле струями огня я вижу глаза немецкого лётчика, а он мой. Даю прицел на упережение, и палец плавно тянет за спусковой крючок. Отдачи не почувствовал, всё моё внимание было приковано к истребителю. Самолёт, словно испугавшись, подпрыгнул, как бы споткнувшись на ухабе, и, перевернувшись вверх брюхом, штопором врезался в землю. Высота была маленькая, и парашют бы немцу не помог.

Я посмотрел на карабин, а почему бы и нет? У себя дома я считался одним из лучших стрелков даже среди опытных таёжников. Наверное, этого парня плохо учили в детстве, что слабых обижать нельзя, вот он и поплатился за своё невежество.

– Медаль сорвалась, – пошутил я. – Свидетелей-то не было.

– Если бы ты знал, сколько раз мне их обещали, – усмехнулся Пашка. – Два раза документы уходили на ордена, по крайней мере командиры мне об этом говорили, но ранения и перемены места службы оставляли их где-то в штабах. Война судит по-своему, и я рад тому, что имею. И очень важно, что не посмертно.

Я слушал Пашу, и у меня в душе тёплой стружкой растекалась гордость за дальневосточников, геройские мы всё-таки ребята! Да, нас очень мало, что такое для огромной страны миллион? Но силен дух этих заброшенных на суровые окраины людей.

– Когда я вернулся в то место, где оставил часть, то обнаружил, что её на месте нет, – продолжал Павел. – Присоединился к группе других окруженцев. Нас таких набралось двадцать пять человек. Вышли к селу Морозово. На окраине села раненный в руку майор-танкист, размахивая пистолетом, собирал прибывающих солдат.

– Я командир Красной армии, – говорил он хриплым голосом. – Приказываю занять позиции на западной окраине села. В селе полевой госпиталь. Необходимо продержаться, пока всех раненых не эвакуируют.

Моя группа выглядела довольно серьёзно. Каждый имел своё закреплённое оружие плюс немецкие автоматы и боезапас. Поэтому мы сразу привлекли его внимание.

– Очень надеюсь на тебя и твоих людей. Медсёстры в госпитале совсем молоденькие девчонки, представляешь, что фашисты с ними сделают?

– Не переживайте, товарищ майор, будем стоять сколько потребуется, – заверил я его.

– Ну и добре.

Мы заняли уже подготовленные кем-то до нас окопы и стали ждать. Немец пошёл к вечеру. Сначала на мотоциклах вы-

скочила их разведка. Мы расстреляли их в упор. Затем пошли пехотные цепи. И сколько было таких атак, кто их теперь сосчитает. Бывало в день до пяти-шести. Схватывались в рукопашной и били их, били и били. Затем вновь отходили.

После очередного боя под Морозово майор приказал нам отходить под город Белую Церковь.

– Там формируются новые части. Есть и снабжение, и продовольствие, – говорил он на прощание.

– А как вы?

– А у меня есть ещё неоплаченные долги, – криво улыбнулся он. – Бойцам спасибо, сержант, не подвели.

Перед Белой Церковью дорогу нам перекрыл заградотряд. Мои ребята были при оружии, своём и трофейном. Имелись и документы. Энкавэдэшники проверили документы, приказали сдать трофейное оружие. Из семи тысяч, дошедших от польской границы до Белой Церкви, насчитали лишь двадцать человек.

«Вот такой счёт», – думал я, с тоской глядя на своё воинство. Но нам повезло. Когда мы получали сухой паёк, то встретили начальника тыла сто девяностой дивизии.

– Через полчаса остатки сто девяностой отправляются под Черкассы на доукомплектование, – сказал он. – Смотри не опоздай.

После формирования нашу дивизию оставили оборонять переправу через Дон. Я точил шашку, когда раздалась команда «воздух». Первый же разрыв бомбы – и ватная тиши-

на окутала моё сознание.

Пришёл я в себя в телеге под брезентовым пологом.

«Плен! – резанула по сознанию страшная мысль. – Бежать, немедленно бежать!»

Но тут за пологом послышалось ленивое переругивание на родном языке, и донёлся запах махорки.

«Свои!» – Облегчение было такое, что прошиб пот.

– Братки! – произнёс я пересохшими губами. – Где мы?

Полог откинулся, и я увидел усатую конопатую физиономию.

– Ну ты, парень, даёшь! – завистливо произнесла физиономия. – Трое суток отдыхал, а дышал так, что мы не могли понять, живой ты чи нет. Скажи спасибо военврачу, а то бы похоронили.

В госпитале я пробыл пять дней. Контузию мне лечили покосом.

– Не понял? – переспросил я Пашку.

– Дал мне санитар в руку косу и говорит: «Вот твоё лекарство». Так потихоньку я и оклемался, – усмехнулся лихой разведчик, и продолжил: – На пятый день, было это восьмого августа, из пятисот восьмьдесят седьмого полка сто двенадцатой дивизии приехал в госпиталь командир взвода разведчиков и, узнав, что я здоров, тут же забрал меня с собой.

– Владей, сержант, – привёл он мне коня под седлом и выдал оружие.

Так я стал заместителем командира взвода конных раз-

ведчиков. От него я и узнал историю своего спасения. Оказывается, именно он был старшим по захоронению братской могилы. А когда увидел меня, то стал тщательно обыскивать, чтобы найти документы. Вот тут-то он и обнаружил, что я ещё подаю признаки жизни.

В полку нам зачитали приказ, что с сегодняшнего дня считать нашу шестую и соседнюю восьмую армию погибшими в боях на юго-западном направлении. Видно, судьба хранила меня, я не попал в скорбный список пропавших без вести, пленённых и погибших солдат Юго-Западного фронта.

С четвёртого августа мы стали бойцами тридцать восьмой армии. Дня через три после моего прибытия из госпиталя пришло новое пополнение. Командир нашего разведвзвода был старшиной, поэтому нам прислали лейтенанта, а старшину поставили командиром отделения. Лейтенант только что окончил офицерское училище, но гонору был невероятного. Тем более что по национальности он был кавказец. Южная кровь бурлила, требуя подвигов.

В условиях несплошной линии фронта наш взвод каждый день отправлялся за город. Мы должны были отслеживать наличие вражеских диверсионных групп между переправой и линией фронта. Частенько вступали в схватки с немецкими диверсантами и разведгруппами. Мы были на лошадях, а они на мотоциклах. Бывало, мы их били, а бывало, что и они нас. Так случилось и двенадцатого августа. Мы выехали в поиск всем взводом. Двадцать восемь лихих разведчи-

ков-кавалеристов. Эти рейды были повседневной работой, но мы никогда не забывали о подстерегающей нас опасности. Так было и в этот раз.

«Внимание!» – подал знак впереди идущий разведчик.

– Что там? – спросил Чивадзе.

– Рёлочка, товарищ лейтенант. Уж больно место подозрительное, – ответил разведчик.

– Надо бы пару бойцов послать, чтобы проверили, – предложил старшина.

– Чего там проверять, старшина, – усмехнулся лейтенант, – много мы так навоюем, если каждого куста бояться станем? А я думал, что вы герои-разведчики. А ну вперед, галопом марш!

Мы лихо выскочили из леса и устремились к противоположному краю рёлки.

Тра-та-та-та! – тяжело заговорил крупнокалиберный пулемёт.

Заржали раненые лошади. Полетели наземь убитые. Девять человек недосчитались мы на другом краю поляны.

– Две очереди, всего лишь две очереди, – стискивал я в отчаянии зубы.

Самое горькое было то, что среди погибших был и старшина. Тот самый командир взвода, который отступал от польской границы и не дал похоронить меня заживо.

Вернувшись в полк, доложили о случившемся.

– Выпей, сержант, – протянул мне кружку со спиртом лей-

тенант. Он видел, что я не в себе, и, видно, хотел меня задобрить. – Помянем наших товарищей, павших смертью храбрых.

– Я пить с тобой не буду, – ответил я.

– Ты что, сержант, белены объелся? – стал накаляться лейтенант.

– Это ты там должен сейчас лежать. Из-за тебя, сволочь, они головы сложили! – не выдержал я.

Разведчики понуро молчали. Все понимали, кто виноват, и были на моей стороне.

– Застрелю! – цапнул лейтенант рукой по кобуре.

– Воевать сначала научись, сучонок! – Остриё моего клинка уткнулось в шею лейтенанта. – Даже не думай.

– Отставить! – донеслось от входа в землянку.

В горячке мы не заметили, как в землянку вошёл комиссар дивизии Целадзе.

– Арестовать! – ткнул он в меня пальцем. – Как ты смел поднять руку на своего командира? Будешь расстрелян!

Меня посадили под арест. Охраняли меня разведчики моего взвода. Напряжение последних часов дало о себе знать, и я уснул сном младенца.

– Ты посмотри на него, спит, и хоть бы хны! – разбудил меня резкий голос.

Я протёр глаза и вскочил.

– Товарищ генерал!

Передо мной стоял сам командир дивизии генерал Рябы-

шев собственной персоной. Он приходился старшим братом тому самому майору Рябышеву, с которым мы отступали от границы.

– Что «товарищ генерал»? – покачал он головой. – Наворотил ты дел, сержант, что генералу приходится разбираться.

Я стоял, опустив голову.

– Понимаешь, что виноват?

– Никак нет, товарищ генерал, – посмотрел я ему в глаза.

– Ты смотри, какой упрямый, расстреляют ведь. А взвод без опытного замкомвзвода на задание ушёл.

– Значит, не вернётся взвод, – обречённо сказал я.

– Это ещё почему?

– Положит он ребят.

– Ну-ка, ну-ка? – Генерал взглянул на меня с интересом.

– Так, как ведёт себя лейтенант, в разведке нельзя. Для разведчика это преступление. Он, конечно, парень лихой, но с его лихостью место в кавалерийской атаке. А наше дело совсем иного рода. Пришёл тихо, ушёл быстро.

– Ишь ты, стратег, – усмехнулся генерал. – Пришёл тихо, ушёл быстро. Бери своих караульных и догоняй взвод. Я их в посёлок Смола отправил. Скажешь лейтенанту, что это мой приказ. Ну а живым вернёшься – разберёмся.

Глава 8.

ПРЕВРАТНОСТИ ВОЕННОЙ СУДЬБЫ

– Посовещались мы с ребятами и решили: «Положит нас

всех этот джигит, как пить дать положит», – рассказывали мне разведчики историю моего чудесного спасения. – И решили мы идти сразу к генералу. Знаем, мужик он толковый, зазря нашего брата солдата в обиду не даст. Вот и пошли. А генерал кликнул адъютанта и говорит: «Отмени-ка, братец, все дела, поеду справедливость наводить». А ты дрыхнешь. Генерал усмехнулся и говорит: «Теперь вижу, что не виноват, спит как младенец. Учитесь, сынки, как должен вести себя настоящий герой- разведчик». Ну а дальше ты всё сам знаешь.

– Вперёд! – поддал я лошади шпор, и мы помчались догонять взвод.

На душе было радостно и светло – есть всё-таки в жизни справедливость. Нагнали мы своих почти на окраине Смолены. Лейтенант попытался взбрыкнуть, но авторитет генерала был непререкаем. Мои конвоиры во всех красках передали мой с генералом разговор и его приказ.

Подошли к Смолене.

– Предлагаю галопом проскочить село, – остался верен своей тактике командир взвода. – Пока немцы очухаются, если они там есть, то нас и след простынет.

Я рассмотрел в бинокль село и план не одобрил. Лейтенант скрипнул зубами, но промолчал.

– В селе почему-то подозрительно тихо, а время три часа дня, – обосновал я своё мнение. – На дворе август месяц, а несколько хат нещадно дымят трубами.

– Ну и что? – скривил губы лейтенант.

– Самогон гонят, факт, а для кого? – посмотрел я на него. – Так что я предлагаю сделать следующее.

Выслушав меня, горячий горец вынужден был согласиться. И через несколько мгновений три кавалериста, нещадно нахлёстывая коней, устремились к крайней избе.

Тишина. Через пять минут ещё тройка всадников прорвалась к той же избе. А когда на окраине леса появилась третья тройка, немцы не выдержали. Взревели двигатели мотоциклов, и со всех сторон к избе, где были разведчики, покатились мотоциклы. Прикрывая своих, мы открыли ураганный огонь из пулемётов. Немцы кинулись под прикрытие домов. В это время разведка благополучно вернулась под лесное укрытие.

Самое главное, что в перестрелке не погиб ни один разведчик. Был лишь один раненый, и кто бы ты думал?

– Да ну! – не удержался я от усмешки.

– Вот именно! Лихого лейтенанта ранило в пах.

– Ой-ой-ой! – поморщился я и хитро подмигнул рассказчику. – Давай, Паша, за высший суд.

Теперь каждый вечер мы с земляком полегоньку налегали на коньячок.

– А давай!

Мы выпили, крикнули, и Павел продолжил:

– Беру командование взводом на себя, и просёлками пытаемся оторваться от преследования. Местности не знаем,

прём наобум и попадаем в какой-то капкан, окутанный тремя рядами колючей проволоки. Половина взвода рубит шашками проволоку, а вторая половина отбивается от мотоциклистов. Так и ушли без потерь. Лейтенанта сдали в полевой лазарет, и к генералу. Доложил всё честь по чести. В общем, от генерала я вышел командиром взвода и до самого ранения так им и командовал.

– Послушай, Жора, – неожиданно прервал свой рассказ лихой разведчик, – у меня тут дельце небольшое образовалось. Давай завтра договорим.

– Не вопрос, – улыбнулся я.

Сегодня дежурила Танюша, и я прекрасно понимал, что у парня за дело. Пашка ушёл, а я лежал и бездумно смотрел в потолок. Спать не хотелось, да и сколько можно? Целый день щекой подушку мнёшь, да ещё и ночью. Рядом с кроватью слышался шорох.

– Паша, ты? Чего так рано?

– Слушай, Жора, мы тут с Татьяной в клуб собрались, – прошептал Павел. – Хочешь, давай с нами, там и подружки её будут.

– Так она же дежурит?

– Ещё с вечера подменилась. Ты же слышал, меня переводят.

А что, чем не времяпровождение? Всё не лежать, да на потолок глазеть.

– А одежда?

– Ну ты даёшь!

И действительно, чего это я, с нами же медицина.

– Я с вами, – ответил я твёрдо.

В клубе была лекция о международном положении, а затем танцы. Мичуринск военной поры – это большая лечебница Красной армии. Здесь располагалось пятнадцать госпиталей и эвакуопунктов. Поэтому военных в зале было достаточно.

– Не забывай про патруль! – Шепнул я разведчику.

«Война войной, а человеку требуется нечто большее», – думал я, глядя, как в зале с нулевой температурой под хрипящие аккорды старого патефона, тесно приникнув друг к другу, кружат пары. Но через час в зале надышали так, что можно было снимать шинель.

Пашка с Татьяной постоянно куда-то исчезали, а я стал объектом для внимания двух её подружек – серьёзной Веры и смешливой Тамары.

– Товарищ орденосец, почему не приглашаете девушек на вальс? – кокетливо поинтересовалась Тамара.

А я к своему стыду, как дитя своего времени, вальс танцевать не умел. Молодёжь семидесятых – восьмидесятых активно налегала на танго и всякие быстрые «дёр-галки» типа «шейка».

– Рана, – многозначительно покосился я на гипс.

– А мы аккуратно, – хихикнула Тамара. – Мы очень нежные. Правда, Веруня?

– А, была не была! Разрешите? – галантно склонил я голову, приглашая молчавшую до сих пор Веру.

Девушка благосклонно кивнула головой, и мы пошли в круг. В это время какой-то шутник переставил иглу на другую мелодию, и в зале зазвучала кадриль.

«Твою мать!» – выругался я про себя. Если вальс я мог ещё как-то сманеврировать, кадриль для меня была тёмным лесом. «Что, орденосец, влип?» – ехидно поинтересовался внутренний голос. Этот гадёныш молчал только во время боёв, а когда в мире было спокойно, он начинал выёживаться. «Наши не сдаются!» – ответил я и очертя голову ринулся в вихрь танца.

В скором времени девчонки так меня закружили, что я взмолился:

– Что у нас ещё в программе, кроме танцев?

– А что бы вы хотели, товарищ старшина? – скромно потупила глазки Тома. – Мы девушки скромные, и мамы нам ещё не всё разрешают.

– А, может быть, для героя-танкиста сделаем исключение? – отвела взгляд в сторону Вера.

– Не знаю, не знаю, – пожала плечами девушка. – Как просить будет.

– Вы это, девчонки, – пересохло у меня в горле. – Здесь у нас спирт имеется.

«Коньяк-то, идиоты, выдули», – подумал я с запоздалым сожалением.

– Может, посидим где?

– Не знаю, не знаю, – томно потянулась Тома. – Если только у Веры, у неё мать сегодня в ночную смену. У неё и патефон есть, и пластинки хорошие.

– Все идём к Верке, – услышав окончание разговора, вмешалась вынырнувшая из толпы Татьяна, – танцы до утра!

– Товарищи бойцы, – встретил нас морозный вечер бодрым голосом начальника патруля. – Ваши документы и увольнительные удостоверения.

Мы переглянулись, придётся ночевать в комендатуре. А так всё хорошо складывалось! И откуда их черти принесли? И убежать не убежишь, оба полукалеки.

– Живее, старшина! – видя, как я левой рукой пытаюсь расстегнуть пуговицу на шинели, повысил голос начальник патруля, молоденький ещё совсем лейтенант.

– Послушай, лейтенант, – попытался что-то сказать Пашка.

– Обращайтесь на вы! – Голос паренька едва не сорвался на фальцет. – Вы много себе позволяете, фронтовики!

Всё ясно, у парня сложился комплекс неполноценности по отношению к фронтовикам.

– Товарищ командир, им завтра уезжать, – пытаются уговорить несговорчивого лейтенанта девушки.

– А гражданских я па-ап-ра-шу отойти в сторону! – вращая белками глаз, важно раздул щёки лейтенант. – Приличные девушки не вешаются на всех подряд.

Патрульные смущённо отвернулись в сторону. Парни понимали, что лейтенант усугубляет.

«Ах ты, паразит малолетний!» – взорвался я и неуклюжим движением приложился левой рукой к его шее.

Лейтенант обмяк и опустился на снег. Краем глаза я отметил, что Пашка не растерялся и зафиксировал одного из патрульных. Ну а второго успокоил уже я. Хотя по правде говоря, пареньки не очень-то и брыкались.

Глядя на наши манипуляции, девчонки возбуждённо повизгивали. Через десять секунд патруль, вольготно вытянув ноги, сидел, облокотившись спинами о стену клуба. Табельное оружие стояло рядом. Ни дать ни взять бойцы на привале.

– Отдохните, ребятаки, – поправил я на голове лейтенанта ушанку. – Смотри не простудись.

– А теперь ходу! – засмеялся Пашка.

– Так ты же настоящий разведчик, – говорил на бегу он, – научишь приёмчику, я такого ещё не видел.

– А успею?

– Завтра с утра.

Квартира у Веры оказалась очень даже ничего. Оказывается, её отец был видным профессором-мичуринцем. А сейчас вместе с институтом он выехал куда-то в Азию. Мать работала в одном из госпиталей врачом.

Девушки развели спирт малиновым вареньем, и получилось что-то вроде крепкого пунша.

– За победу! – дружно звякнули мы хрустальными бокалами.

Сыр и копчёная колбаса оказались как нельзя кстати. Девочки давно отвыкли от таких деликатесов и смотрели на стол с обожанием и восторгом.

– Мальчики! – сложив под грудью руки, прошептала Тома. – Стол накрыт, как в раю? Неужели так кормят наших воинов?

– Воинов кормят не так изысканно, – скромно заметил я. – Мы обоз немецкий раздавили, а там рождественские подарки от их фройляйн. Не пропадать же добру. Вот коньяк только разбился. Бутылки стеклянные были.

Таня сверкнула на меня озорными глазами, но ничего не сказала.

– А насчёт рая, скажу иначе, – воодушевлённый молчанием Татьяны, пошёл я в наступление. – Рай я вижу вокруг стола. Как это прекрасно, когда уставшие в тяжёлых боях воины могут очутиться в волшебном тихом уголке, оберегаемом такими нежными созданиями...

– Жора, давай уже выпьем, – не выдержал Пашка.

– Ты что, пускай говорит! – замахали руками нежные создания. – Красиво же!

– За любовь! – подытожил я.

– Ну вот, – огорчились девушки, – взял и всё испортил. Мы так давно не слышали красивых слов.

– Послушайте, Георгий, вы, наверное, и стихи пишете? –

спросила Вера, когда опустевшие фужеры вернулись на стол.

– А как же, – не стал скромничать я.

«Ну вот, понесло», – заскрипел внутренний голос. «Отстань!» – отмахнулся я.

– Ой, хочу стихи, – захлопала в ладоши Тома.

– Запросто! – с выражением прочёл:

По полю танки грохотали,
Танкисты шли в последний бой.

И молодого лейтенанта
Несли с пробитой головой.

– На жалость давишь? – толкнул меня в бок Павел, когда я закончил.

– Стихи люблю, – скромно ответил я.

– Это вы написали? – спросила Вера.

– Да вот, как-то так, – ответил я что-то невразумительное.

Просто я ещё не дошёл до той кондиции, чтобы нагло и цинично врать.

Тома завела музыку, и мы продолжили танцы. Алкоголь возымел своё действие, на душе стало легко и свободно. Я, забыв про всё, по очереди целовался то с Томой, то с Верой. А что, один раз живём! Затем как-то так получилось, что скромная Вера оттеснила от меня Тому. Да мне она и нравилась больше. Девушка из интеллигентной семьи была жгучей брюнеткой, с чёрными как смоль волосами. Было в ней что-то загадочно восточное...

На рассвете разбудил меня тихий голос:

– Вставай, тебе в госпиталь пора.

Окончательно сбросив остатки сна, я начал костерить себя последними словами: «Ну и сволочь же я! Девчонка дурит, а ты воспользовался моментом».

Дело в том, что Вера была девушкой, а выпитый спирт и тоска по женщине отодвинули мою порядочность на задний план.

– Ничего не думай, – шептала мне разгорячённая девчонка, – я хочу этого, это надо мне...

– Зачем? – пытался я сохранить остатки мужской чести.

– Не спрашивай, – неумело, но по-женски страстно целовала она меня в губы.

И я не устоял. Стараясь не обращать внимания на возникающую в спине боль, я ласкал это нежное девичье тело, забыв о том, что на дворе стоит январь сорок второго. Что, может быть, это последняя в моей жизни женщина, что через несколько дней мне вновь возвращаться в кровавый ад.

Под утро мы с Пашкой шли в госпиталь по пустынным улицам, ломая тишину замороженных подворотен.

– Женюсь, – вдыхая морозный воздух, весело говорил Павел.

А я не говорил ничего, я был женат. Вот только не знал, считать ли этот брак действительным или нет?

«Браки совершаются на небесах, а не в загсах, – прошеле-стел в моей голове тихий голос, – так что даже не думай».

До вечера мы с Лоскутниковым отсыпались, а после по-

следних процедур я слушал продолжение Пашкиной эпопеи.

– В конце августа фашист стал давить так, что поступил приказ оставить город Черкассы, – рассказывал он, – я со своим взводом отступали последними. У меня был приказ взорвать железнодорожный и автомобильный мосты через Днепр. Железнодорожный рвать не пришлось, немцы сами его взорвали, а вот автомобильный мы уничтожили как надо, он взлетел на воздух, едва мы ступили на левый берег Днепра.

Двигаясь вдоль берега, наш полк вышел к окраинам Кременчуга. Мы перешли через реку Пселл и заняли оборону на холмах. Начались упорные бои за город. Немцы рвались вперед, несмотря ни на какие потери. Нашу дивизию теснили по всем направлениям. Мой полк отвели за реку под стены Кременчуга.

Немцы подошли настолько близко, что вели обстрел моста через Пселл картечью. Уничтожать они его не хотели, берегли для себя. Движение через мост прекратилось. И тут меня вызывают к самому генералу Рябышеву.

– На тебя вся надежда, сынок, – посмотрел он мне в глаза.

– Я готов! – ответил я, поняв, что комдив хочет дать мне какое-то серьёзное задание.

– Слушай меня внимательно, сержант. Немец прорвал фронт. И частям, которые успели перейти через реку, грозит окружение. Необходимо, чтобы ты доставил туда пакет, а на словах передал приказ: «Изменить маршрут движения и вы-

ступать в направлении железной дороги Киев—Полтава».

– Будет исполнено, товарищ генерал! – вытянулся я перед комдивом.

– Да погоди ты, – поморщился тот. – Видишь, немец по мосту постоянно картечью лупит, как пройдёшь?

– Ну не совсем постоянно, – ответил я, присматриваясь к мосту, – перерывы между залпами есть.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался генерал и достал карманные часы, – а ведь точно, пунктуальные, сволочи.

Мы рассчитали периодичность стрельбы. Через десять минут я уже сидя верхом находился в укрытии перед мостом. Сам комдив ассистирует мне поднятой рукой. И вот рука падает, а я, пришпорив скакуна, стрелой лечу через мост. Немцы опомнились и делают залп. Лошадь подо мной падает. Убита. Я бегом преодолеваю последние метры и сваливаюсь в окопчик.

– Ну ты, козаче, и рисковый, – качает головой седоусый сапёр.

Смерть и на этот раз обошла меня стороной.

Ну а после Кременчуга был Харьков, Старый Оскол. В Старом Осколе нас остановили на отдых и переформирование. Было это уже в октябре. Праздник Седьмого Ноября я встречал там же. А через несколько дней наша дивизия вышла на передовую западнее Старого Оскола. Нашей основной задачей было прорвать оборону немцев и выбить их из находившегося в восьми километрах от передовой села.

Глава 9.

КРУТОЙ ПОВОРОТ

Весь световой день продолжались бои, и к вечеру мы вышли к указанному посёлку. Завязались уличные бои. Полк завяз в улицах и переулках села. Было очевидно, что собственными силами немцев выбить не удастся. Между тем быстро опустилась ноябрьская ночь. Понимая, что ночной бой ничего не даст, а только увеличит бессмысленные потери, был отдан приказ отойти на окраину села и ждать рассвета. Но немцы ждать не стали. Как только под покровом ночи к нам подтянулись штаб и тылы, открыли артиллерийский огонь. Всё смешалось в один долгий ночной кошмар. Поле боя освещали загоревшиеся избы и сараи. После артподготовки немцы пошли в атаку. Бой был жестокий, но всё же враг был сильнее, и мы начали пятиться в поле.

Я со своим командиром отделения прикрывал отход нашего взвода. Споткнувшись об убитого бойца, я подобрал валявшийся рядом с ним станковый пулемёт и ленты. Пока не кончились патроны, я косил и косил набегавших из темноты фрицев. Я чувствовал себя могучим богатырём, и пулемёт был пушинкой в моих руках. Уже после боя я попробовал так же управиться с пулемётом, и не смог – тяжело. А в бою он показался мне не тяжелее автомата.

Когда в поле мы попытались занять оборону, то обнаружили новый сюрприз. Немцы обложили наш полк со всех сторон и стали сжимать кольцо. Тебе доводилось принимать

участие в ночном рукопашном бою? – спросил меня Павел.

– Да по-всякому было, – уклончиво ответил я.

– Паскудное это дело, скажу я тебе, – зло бросил Пашка. – Дрались группами по восемь-десять человек. Прежде чем колоть штыком, били прикладом. Если заматерился, значит свой. А то приловчились так, что один хватает и держит, а второй смотрит: свой, не свой.

Я получаю приказ нащупать лазейку, где мы можем прорваться из окружения. Нащупали. По оврагу в сторону наших позиций. А вышло, что немцы нас специально туда пропустили. Пристреляно у них там всё было. И устроили они нам там самое натуральное побоище. Валили снопами. К своим прорвалось около двадцати пяти человек. И это из целого, только что сформированного полка.

На нашей стороне оставшихся в живых бойцов построили и выходят к ним особисты.

– Что, бойцы, навоевались? – спрашивает нас высокий сухопарый полковник.

А что мы можем ответить? Ответать должны командиры, а они все остались лежать по ту сторону бруствера.

– А где знамя полка? – орёт матами какой-то подполковник. – Бросили, трусы? Да я вас всех сволочей под трибунал!

– Ты что нас сволочишь, сука! – не выдержал высокий боец с петлицами артиллериста. – Мы что, на пирогах были? Сходи, гад, сам попробуй!

Хлоп! – раздался пистолетный выстрел, и артиллерист

упал с простреленной головой.

– Расстрелять их, и вся недолга! – предлагает подполковник, размахивая дымящимся пистолетом.

Но полковник посмотрел на нас и скрипнул зубами. Он-то конечно понимал, что мы тут ни при чём, время было такое. А тут ещё и знамя полка потеряли.

– Ладно, бойцы, – говорит он, – возвращайтесь назад. Или с честью погибните, или знамя принесите. Хоть вашим родным похоронки нормальные придут, а не извещения о предательстве.

А мы стоим, тупо смотрим на них, и нам всё равно. Пошли вторые сутки, как мы на ногах. Без пищи, без сна и отдыха. Дай они сейчас команду «расстрелять!», все приняли бы её с облегчением. Это было бы проще, чем вновь возвращаться в этот ад.

– Веди, сержант! – говорят мне солдаты.

И мы взбираемся на бруствер и один за одним исчезаем в темноте. Собираемся в начале оврага. Я разбиваю людей на три группы.

– Двигаемся с одинаковой скоростью, – отдаю я приказ. – Две группы по краям оврага, а третья посередине.

И вот мы подходим к месту засады, и чудо! Никого нет. Только на перепаханном снегу следы бронетранспортёров, мотоциклов и горы стреляных гильз. А внизу другие горы, горы трупов наших погибших товарищей.

Чья здесь вина? Плохо сработала разведка или необду-

манный приказ командования, но погибших уже не вернёшь. И каждому из них домой придёт похоронка со словами «пал смертью храбрых». У каждого дома осталась мать, любимая, сестра, брат, дети. А ведь практически для каждого из них это был первый и последний бой.

Мы находим знамя полка, собираем штабное и другое имущество и возвращаемся назад.

– Ваше счастье, бойцы, – говорит нам давешний полковник. – Видно, молятся за вас родные, раз вы в первый раз в таком пекле уцелели и сейчас живыми и здоровыми вернулись. Накормить их, дать отдохнуть, и в Старый Оскол на переформирование.

– Понимаешь, Жора, и опять я остался жить, – прошептал Пашка. – За что же мне такой фарт? Там больше половины было ребят только что прибывших на фронт. Они погибли в первом же бою, и погибли бессмысленно.

– Значит, есть у тебя ангел-хранитель, потому что не может один человек побывать во стольких передрыгах и выйти оттуда живым, – твёрдо заверил я его.

– Ты знаешь, есть у нас на другой стороне Амура, прямо напротив села место такое, Шаман-горой называется. Перед уходом в армию побывал я с местным нанайцем на Шамане. Подарки там всякие принесли. Просили мы духов о том, чтобы помогли они мне в тяжёлую минуту. Так вот, нанайец тот сказал мне, что духи нас слышали. Иди, говорит, Пашка, со спокойным сердцем, а как вернёшься, не забудь новые

подарки принести. Я уже готов верить и в это.

Я прекрасно понимал Павла. Ведь и я, если бы не Шаман-гора, был бы сейчас не на госпитальной койке в Мичуринске сорок второго года, а вкалывал бы вместе с ребятами из стройотряда на каком-нибудь строительном объекте.

– Верь, Паша! – сказал я, – Верь, и обязательно вернёшься к родным домой.

– Наступит ли такое время? – тоскливо произнёс парень. – Мне уже порой кажется, что я воюю всю жизнь, что другой, мирной жизни и вовсе не было.

Я промолчал, а что я мог сказать? Я не знал, вернётся он домой или нет. К своему стыду, о фронтовиках-нижнета姆бовчанах я не знал ничего. Теперь же я дал себе слово, что если вернусь, то первым делом отдам дань погибшим и всё узнаю о живых. Они достойны того, чтобы мы поклонились им в ноги.

Павел вернулся к рассказу:

– В конце ноября вновь сформированный полк перебросили на передовую под город Елец. Мы заняли оборону южнее города. Из тех бойцов, что начинали вместе со мной воевать на польской границе, в полку осталось четыре человека. Это был тяжёлый счёт.

– Вы опять не спите?

Я от неожиданности вздрогнул. Надо же, разведчики, твою мать! Заболтались так, что не слышали, как в палату вошла Татьяна.

– Танечка! – голос кавалериста дрогнул.

– Пойду покурю, – лениво сказал я и, накинув на плечи больничный халат, вышел из палаты.

На лестничной площадке у чёрного выхода несколько раненых торопливо тянули самокрутки. Время-то было неурочное, а нарушителями режима быть никому не хотелось. Когда я вернулся в палату, то под одеялом на соседней кровати было подозрительно тихо.

«Партизаны, блин!» – усмехнулся я про себя и лёг спать.

Следующим вечером Павел Лоскутников продолжил свой рассказ:

– Наконец-то долгожданное наступление началось. В составе Третьей армии мы участвовали в общей операции по окружению немецкой группировки под Ельцом. Мы действовали на стыке Орловской и Тульской областей. И вот первого января сорок второго года полк занял село Каменку. Мы встали обороной на восточном берегу реки Зуша, притока Оки.

Вызывает меня командир полка и говорит:

– Знаю, сержант, что и ты и твои бойцы устали. Солдат твоих трогать не стану, ну а ты уж послужи. Таёжники народ выносливый.

Я руку к ушанке приложил:

– Готов к выполнению задания, – говорю.

– Пойдёшь за линию фронта. С тобой пойдёт артиллерийский офицер. Вот он, знакомься.

– Лейтенант Анисов, – протянул мне руку молодой командир.

– Ваша задача нанести на карту огневые точки противника, – продолжил командир полка, – а мы здесь их немного подразним, чтобы они раскрылись. На всё про всё вам сутки.

– Есть! – говорю.

Оделись мы с лейтенантом как можно теплее, шутка ли, сутки на морозе, и отправились за реку. В определённое время наша артиллерия начала постреливать. Немцы сначала крепились, ответного огня не открывали, но затем не выдержали.

– Расшевелили гансов, – усмехнулся лейтенант.

И давай отмечать на карте все огневые точки. Оказывается, часть из них у него уже была нанесена. Видимо, наша авиация постаралась. На первый взгляд, задание не пыльное. В огневой контакт с немцами не вступали, ходи себе да делай пометочки. Правда, замёрзли, как волки. Огня-то не разведёшь. К рассвету задание выполнили и отправились к своим. Недалеко от передовой нас встретили автоматчики и провели через немецкие окопы и минные поля. В своих окопах мы сняли лишнюю одежду и налегке отправились в штаб. Шли полем. Рассветало. До штаба осталось рукой подать, когда я услышал с немецкой стороны одинокий оружейный выстрел.

«Куда-то прилетит», – подумал я. Он и прилетел. Последнее, что помню, это звук разрыва и взлетевшую слева от меня землю.

Очнулся в полковом лазарете, рядом тот самый лейтенант. Оказывается, это он меня и вынес. А я спас его тем, что все осколки достались мне. Ранение было тяжёлое, осколками порвало грудь, живот и покалечило правое плечо.

– Благодарю за службу, – сказал мне на прощание командир полка, – скорее поправляйся и возвращайся в строй. Такие солдаты мне нужны. А за твои подвиги представил я тебя к высокой правительственной награде.

А на следующий день меня привезли сюда, а теперь вот в Саратов отправляют. Опять не видать мне ордена как своих ушей, – закончил свою эпопею Лоскутников.

– Ранбольные, на процедуры, – разбудил меня поутру голос Татьяны. – Ходячие в процедурный кабинет, лежачие приготовиться на месте.

– Лоскутникова после обеда приготовить к эвакуации в Саратов, – после окончания утреннего обхода отдал распоряжение главвоенврач.

4 Жернова времени

97

– Эх, – вздохнул Пашка, глядя на выступившие на глазах у Татьяны слёзы.

А я потряс в воздухе фляжкой с остатками спирта.

– Давай! – махнул рукой парень.

Прощались мы внизу в школьном фойе. Я разве ещё не говорил, что наш госпиталь располагался в здании школы?

Над входом в госпиталь такая домашняя и мирная вывеска «Городская школа № 50».

– Будь живым, земля! – прижал я на прощание к груди лихого конного разведчика Пашку Лоскутникова и отошёл в сторону.

В углу, у сваленных в кучу школьных парт, стояла та, с которой Павлу прощаться требовалось гораздо больше времени. Я смотрел на парня и думал: «Встретимся ли?»

Забегая вперёд, скажу, что встреча наша состоялась. Но только Павел об этом не узнал. Весной тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года был он уже не Пашкой, а Павлом Фёдоровичем Лоскутниковым. Героем войны и кавалером двух орденов – «Отечественной войны» и ордена «Красной Звезды». Я же был молодым строителем будущего города на Амуре. Эти награды он получит после долгого скитания по госпиталям и учебным батальонам, а в июне сорок третьего года всё-таки вырвется на фронт. За его плечами будет Курская битва, форсирование Днепра, где вместо «Звезды Героя» он получит орден «Красной Звезды».

– В моей дивизии не будет «Героя» до тех пор, пока звезду не получу я, – скажет командир дивизии, когда ему подадут представление на награждение лихого разведчика Лоскутникова Звездой Героя.

Затем будет Дунай, Белград, Будапешт, Братислава. Праздник Победы он встретит в Австрии на окраине знаменитого Венского леса. Правда, леса того уже не станет, да и

Австрия будет другая – побеждённая...

А сейчас я украдкой наблюдал за из прощанием. Не бывает чище слёз, чем у тех, кто расстаётся навсегда.

После обеда ко мне пришёл военкор. Я насторожился: «С чего бы это?»

– Викентий Колюжный, военный корреспондент газеты «Вперёд!», – представился мужчина, протирая кругляшки смешных очков.

– Чем обязан? – поинтересовался я.

– Я, собственно, хотел поговорить о вашем командире, – близоруко сощурился военкор. – О политруке Кретове и его подвиге.

– Что, «Героя» уже присвоили? – обрадовался я.

– Официально ещё нет, но дело ведь не в этом. Пресса должна идти в ногу с жизнью, а подвиг молодого политрука – это пример.

К вечеру мы с военкором Викентием стали лучшими друзьями. Я рассказал ему всё о нашем командире. А Викентий обещал мне выпуск газеты со статьёй.

– Что, старшина, – обрадовал меня на очередном медицинском осмотре военврач, – готовься, через три дня выпишем.

А на следующий день меня вызвали на первый этаж.

– Там к тебе посетитель, – загадочно улыбнулась Танюшка. Со времени отъезда Павла глаза её были всегда припухшими. Поэтому я был удивлён Таниной улыбкой.

«И кому это я понадобился?» – гадал я, стоя в фойе.

– Жора! – раздался рядом тихий девичий голос.

Я обернулся. Передо мной стоял хрупкий солдат, с петлицами связиста на шинели. Широко распахнутые грустные глаза смотрели на меня.

– Вера! – растерянно вымолвил я.

– Вот пришла сказать тебе, – произнесла она скованно. – Завтра на фронт.

Я не нашёлся что ей сказать.

– Я училась на курсах, никто об этом не знал. Нельзя было, – виновато вымолвила она. – Теперь тоже нельзя... Но тебе... Ты должен знать. Ты не думай, мне не страшно! – Она попыталась заглянуть в мои глаза.

– Да я...

– Вот и хорошо. Жора, – она поймала наконец мой взгляд, и тихо сказала: – Сегодня моя мама опять на дежурстве...

– Я приду! – прижал я её к груди. – Я обязательно приду.

– Хорошо, – прошептала она и, лихо встряхнула коротко постриженными волосами, – я буду ждать.

Я смотрел, как ловко цокают по мраморным плитам аккуратно подкованные сапожки девушки, и проклинал все войны на свете. Так не должно быть! Не должны женщины решать мужские вопросы. Бог их создал совсем для другого. Неужели этот мир никогда не изменится! Военное сукно грубо топорщилось на хрупкой девичьей фигурке. Нежная тонкая шея сиротливо выглядывала из жёстких тисков воротника.

ка. Нет, не зря всё-таки говорят, что у войны не женское лицо.

– И куда тебя? – спросил я вечером, обнимая слегка подрагивающие плечи. – Замёрзла?

– В распоряжение штаба фронта. Не могу согреться.

– Только не соглашайся за линию фронта, – произнёс я, понимая, что говорю ерунду. В распоряжение штаба фронта – это и есть на ту сторону. Было бы по-другому, ей бы сразу выдали предписание в одну из воинских частей. Да и вся эта секретность, это не просто так.

– Глупый, – улыбнулась Вера, – как могу отказаться. Я ведь тоже солдат. Давай лучше пить чай.

– Давай лучше чего-нибудь покрепче, – буркнул я и выложил на стол все остатки Серёгиной передачи.

Война и женщина, война и любовь. В такие моменты в человеке обостряются все чувства и инстинкты. А этот инстинкт является чуть ли не основополагающим. Природа мудра, она понимает, что необходимо заполнять пустоту, которую своей глупостью и амбициями создают люди, она толкает нас в объятия друг друга, словно бы говоря: «Вот чем надо заниматься, а не убивать себе подобных».

– Жора, – журчащим с придыханием голосом произносит Вера в ночной тишине моё имя, – я люблю Жору! Смешно. У тебя имя, как у какого-нибудь одесского биндюжника. Никогда не думала, что полюблю человека с таким именем.

Я молчу. А что я могу сказать? Может быть, уже через

несколько дней эта девочка будет одна пробираться по глухим лесам Брянщины или Белоруссии. Может быть, в неё будет нацелено всё оружие вермахта, чтобы в лице этой маленькой женщины убить на земле жизнь. Но глядя в её счастливые глаза, я переступаю через все свои табу:

– И я люблю тебя, девочка.

И не важно, что это не так. В такой момент всё сказанное не важно. Любовь и война, любовь и смерть – вот что имеет в данный момент значение.

Вера теснее прижимается ко мне. Её горячее дыхание обжигает мне шею.

– Как быстро летит время, – говорит она, – как бы хотелось научиться останавливать время, когда этого очень хочется. Растягивать его за счёт времени, потраченного впустую?

– Ты ещё совсем ребёнок... Зачем тебе война?

– Вовсе нет, – обиженно надувает она губки. – Мне уже девятнадцать... Через два месяца будет.

И чтобы доказать своё право на взрослость, Вера делает со мной всё, что хочет. В какие-то моменты в глазах юной искусительницы просыпается снисходительность, накопленная опытом всех женских поколений. Она прекрасно осознаёт власть женского начала над мужским. И это осознание превосходства доводит её до оргазма. Она бьётся в моих руках, словно раненая птица. И наконец удовлетворённо затихает на моей груди.

– Так вот что такое любовь, – шепчет она сонным голо-
сом, – теперь мне ничего не страшно.

«Прости меня, Господи, за обман», – повторяю и повто-
ряю я про себя. И слышу голос другой женщины:

«Это не обман... Мятущаяся душа в минуту растерянно-
сти и страха нашла успокоение у тебя на груди. Никто не по-
смеет упрекнуть тебя во лжи...»

– Жора, вставай, тебе пора! – слышу я голос девушки с
таким простым, но многоговорящим именем Вера.

«...Вера, вот что необходимо нам всем в трудном пути по-
знания жизни», – приходит на ум известная истина.

«А ещё надежда и любовь», – ухмыляется внутренний го-
лос. Но я его уже не слушаю, а, стараясь не тревожить рану
на руке, натягиваю гимнастёрку.

«Вот и всё, – думал я по пути в госпиталь, – остался ты
совсем один». Но, судьба распорядилась иначе.

После обеда ко мне в палату ввалился... Кто бы вы дума-
ли? Старший лейтенант Егоза!

– Что, герой-орденоносец, а не залежался ли ты тут на ка-
зённых харчах? – громогласно, как всегда, протрубил он.

– Товарищ старший лейтенант! – Удивлению моему не бы-
ло предела.

– За пополнением приезжал, – присаживаясь на край пу-
стующей Пашкиной кровати, ответил он. – Приказ полу-
чил сформировать группу для выполнения особых заданий.
Вспомнил, что ты где-то тут поблизости прохлаждаешься.

Дай, думаю, заеду, поинтересуюсь, всю ли ты совесть пролежал или чуток осталось?

– Через два дня выписка, – ответил я, переждав поток его многословия.

– А сегодня! Если ко мне пойдёшь, слабо? – пытливо посмотрел на меня Егоза.

– А как же ребята?

– Сдалась тебе эта железяка! Ты ведь, Жора, прирожденный разведчик.

Я призадумался. Действительно, прав Егоза, я был диверсантом по воинской профессии и авантюристом по складу характера. И в танкисты я попал не по своей воле, а по велеанию «сверху». Что теряю? Да ничего!

– Между прочим, я мог и не спрашивать тебя. У меня приказ командующего армией брать любого, кого посчитаю нужным, – старлей не дал мне времени взвести все «за» и «против».

– Сам-то, как попал в это дело?

– Так я ж спортсмен. Мастер спорта по стрельбе, – ухмыльнулся Яшка. – Вот и улыбнулась мне судьба.

– Лады! – махнул я рукой.

Яков умчался решать мои дела.

– Не уговаривайте, молодой человек. Ни минутой раньше. – В палату вошёл Лыков.

– У меня приказ командарма!

– Идите вы... со своими командармами! Здесь приказы

отдаю я! – отмахнулся от Яшки военврач.

Я замахал руками, привлекая внимание своего будущего командира. Благо, доктор стоял ко мне спиной. Потом жестами показал Якову, мол, ты уходи... затем доктор выйдет из палаты... а, следом и я...

До него дошло и Егоза изобразил досаду:

– Я уйду, но слова ваши, товарищ доктор, непременно передам командарму!

Ночь была звёздной. Разболтанная полуторка подпрыгивала на разбитой танками дороге. В кузове, вместе с десятком таких же будущих разведчиков, прыгал и я. Моя военная судьба сделала крутой поворот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.